78 Ар
М-24

НАРОДНЫЕ ПЕВЦЫ И МУЗЫКАНТЫ

М. Манукян

ГУСАНЫ АРМЕНИИ

78 Ар | 1827
М-24 | Манукян М.
Гусаны
Армении.
М. 1977.

НАРОДНЫЕ ПЕВЦЫ И МУЗЫКАНТЫ

М. МАНУКЯН

ГУСАНЫ АРМЕНИИ

18287

Всесоюзное издательство
«Советский композитор»
Москва, 1977

78С2
М24

Редактор-составитель серии
В. С. ВИНОГРАДОВ

Манукян М.
М 24 Гусаны Армении. М., 1976. «Сов. композитор» (Серия «Народные певцы и музыканты»).

80 с.;

Гусаны — народные певцы — всегда пользовались и пользуются большой популярностью в Армении. На примере искусства трех выдающихся гусанов нашего времени — Шерама, Аиота, Шаэна — автор выявляет наиболее характерные черты этого вида народно-профессионального творчества

78С2

Предисловие

Армянский народ, как и все народы мира, на протяжении своей многовековой истории создал самобытную культуру, в которой большое и почетное место занимает народно-профессиональное песенное творчество, называемое гусанским.

Гусан — это народный певец, сочинитель и исполнитель песен.

Слово «гусан» имеет пехлевийский корень. От этого общего корня в средневековье, вероятно, возникли термины «озан» в Азербайджане и «мгосани» в Грузии. Понятие «гусанское искусство» или «гусанское творчество» воспринимается как общее название разных этапов развития этого вида народно-профессионального песенного творчества.

Как рапсоды и мимы древней Эллады, трубадуры, труверы, миннезингеры и майстерзингеры средневековой Европы, кобзари и гусляры славянских народов, ашуги Ближнего Востока, акыны Средней Азии, так и представители разных этапов развития армянского гусанского творчества, сочиняя лирические, эпические, сатирические

и другие песни, обращали их к самым широким слоям народа. Восхваляя справедливость и гуманность, преданность родине, чистую и вечную любовь, эти песни воспитывали народ в духе высших человеческих идеалов.

Истоки гусанского творчества уводят в глубину тысячелетий, в эпоху формирования армянского народа. Соответственно разным этапам истории и культуры армянского народа гусанское творчество также пережило несколько этапов развития, каждый из которых при всей общности основных жанров, тем и средств выражения имел свои отличительные черты.

Первым этапом развития гусанского творчества считается творчество випасанов — сказителей армянской античности, создателей эпических мифов и легенд, посвященных предкам и героям армянского народа. Випасаны сочиняли песни, в которых воспевали храбрость и богатырскую силу полумифических, полуисторических предков, вождей и царей, что имело важное значение как фактор, усиливающий единство только что сформированного армянского народа. Мовсес Хоренаци — историк V века нашей эры — в своей «Истории Армении» признается, что многие сведения о прошлом армянского народа он черпал из песен старых випасанов и гусанов и даже приводит в своем труде отдельные фрагменты песен, которые ему довелось слышать, причем сообщает, что випасаны пели, аккомпанируя себе на инструменте, называемом «бамбири». Вот один фрагмент в переводе В. Я. Брюсова:

РОЖДЕНИЕ ВААГНА

Небеса и земля были в муках родин,
Морей багрянец был в страданьи родин,
Из воды возник алый тростник,
Из горла его дым возник,
Из того огня младенец возник,
И были его власы из огня,

Была у него брада из огня,
И, как солнце, был прекрасен лик[1].

К сожалению, письменных памятников, сохранивших мелодии таких древних песен, нет, но память народа — в устной передаче, безусловно со значительными изменениями, донесла часть из них до наших дней. По этому поводу видный армянский музыковед Х. С. Кушнарев писал: «Можно допустить однако, что следы этой музыки сохранились в некоторых речитативных эпизодах эпоса «Давид Сасунский»[2].

Творчество средневековых гусанов можно считать вторым этапом развития армянского народно-профессионального песенного творчества. Оно зарождается почти одновременно с творчеством випасанов, но продолжает существовать и развиваться дольше — до начала позднего средневековья (XIII—XIV вв.).

В отличие от песен випасанов, в которых преобладали эпические, героические и патриотические темы, в песнях средневековых гусанов на первый план выдвигалась любовная тематика и воспевание радостей светской жизни. Средневековые гусаны прекрасно владели игрой на различных музыкальных инструментах и благодаря этому их творчество было тесно связано с театральным и хореографическим искусством своего времени.

Следующий этап развития армянского народно-профессионального песенного творчества — творчество тагоневцев. «Таг» в широком смысле слова значит песня, но этот термин с X века закрепляется как название особого песенного жанра — развернутых, обладающих усложненной фактурой вокальных монодий лирического или лирико-драматического плана.

---

[1] Армянская поэзия в переводе В. Я. Брюсова. Ереван, Армгосиздат, 1956, с. 73.

[2] См.: Кушнарев Х. С. Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. Л., Госмузиздат, 1958, с. 69.

Хотя таги возникли как светские песни, но вскоре они вошли в церковно-музыкальный обиход. Благодаря тому, что сочинением текстов и мелодий тагов стали заниматься представители клерикальной передовой аристократии, средневековые манускрипты сохранили большое количество тагов, которые только формально придерживались религиозных сюжетов, а по существу имели светское содержание.

Хазами — армянскими средневековыми нотными знаками — зафиксировано множество мелодий тагов, но расшифровать их пока не удалось. Значительная часть мелодий тагов сохранилась в устной передаче и ныне опубликована.

С XVII века ведущее значение в армянском народно-профессиональном песенном творчестве приобретает ашугское творчество, в котором, наряду с лирической и эпической тематикой, большое место уделялось общественно-социальным и патриотическим темам. Армянское ашугское творчество, хотя и имело некоторые общие черты с общевосточным ашугским творчеством, сформировалось и развивалось как национальное искусство, продолжая и обобщая лучшие поэтические и музыкальные традиции, созданные в армянской культуре предыдущих веков.

Армянское ашугское творчество прошло большой путь развития. В разные времена и в разных местах возникли различные стилистические направления, творческие школы. Самыми значительными из них были: в XVII веке Ново-Джугинская (Исфаганская) школа, в XVIII веке — Тбилисская школа во главе с лириком-гуманистом Саят-Новой (1712—1795) и возникшее в XIX веке новое направление, возглавляемое Дживани (1846—1909) — певцом свободы армянского народа, новатором ашугского творчества.

Как правило, армянские ашуги записывали словес-

ные тексты своих песен, поэтому творчество их изучено и исследовано литературоведами довольно полно. Мелодии же передавались устно. Правда, уже в XIX веке была начата работа по нотной фиксации и публикации музыкального наследия армянских ашугов. Это имело не только научно-познавательное значение, но и в большей мере практическое: армянские композиторы, еще на заре формирования армянского современного профессионального музыкального искусства, для своих вокальных или инструментальных произведений, наряду с народными мелодиями, использовали и обрабатывали мелодии армянских ашугов.

Армянское ашугское творчество оказалось не последним этапом развития армянского народно-профессионального песенного творчества. Ему на смену пришло современное гусанское творчество, представители которого достойно продолжают и развивают лучшие традиции каждого из предыдущих этапов развития армянского народно-профессионального песенного творчества. Они как бы творчески усвоили дух эпичности песнопений випасанов, жизнерадостность лирики средневековых гусанов, эмоциональность тагов и народно-патриотический пафос песен армянских ашугов.

Однако в творчестве современных гусанов, наряду с унаследованными и переосмысленными традициями, большое значение имеют новые специфические черты, благодаря которым современное гусанское творчество воспринимается как вполне самостоятельный этап развития армянского народно-профессионального песенного творчества.

Такова общая картина многовекового исторического развития армянского народно-профессионального песенного творчества в целом. Это единый и последовательный процесс, однако разные этапы этого развития не с календарной точностью следовали друг за другом, и ча-

сто рядом с еще не завершенным этапом возникал новый, порожденный жизненной необходимостью, причем происходили не только передача, заимствование и обновление лучших традиций, но и столкновение старых и новых традиций, творческих принципов и методов применения тех или иных выразительных средств.

Самая важная черта гусанского творчества — демократичность, народность, стремление правдиво отражать действительность, откликаться на все жизненно важные события, волнующие народ.

Служить народу на протяжении столь долгого исторического периода гусанское творчество смогло только благодаря своей способности непрерывно обновляться, шагать в ногу с жизнью народа.

В разные исторические этапы своего развития гусанское песенное творчество неуклонно обогащалось новыми образами, темами, средствами выражения, стилистическими чертами. Но всегда неизменной оставалось его главная общественная функция — функция носителя народного сознания. Благодаря этому гусанское песенное творчество всегда являлось одним из самых передовых и массовых видов армянского искусства.

Надо отметить, что при непрерывном обновлении, обогащении новыми образами, темами и средствами выражения гусанское творчество на протяжении своего исторического пути сохранило общее стилистическое направление. В нем удачно сочетались традиции и новаторство, чем и можно объяснить его удивительное «долголетие».

В процессе развития современной армянской профессиональной музыки, начатого еще в XIX веке, когда впервые создавались армянские оперные, симфонические, камерные, инструментальные и другие произведения, все унаследованное из прошлого переоценивалось соответственно новым критериям. В этом строгом отборе гусан-

ское творчество не только не оказалось устаревшим анахронизмом, но заняло важное место в музыкальной жизни республики, ярче выявив свою силу эстетического воздействия. Типичные темы, образы, интонации и приемы музыкального развития гусанского творчества стали нередко использоваться в творчестве армянских композиторов при создании произведений как песенных жанров, так и оперных, симфонических, камерных и т. д.

Дух народности гусанского творчества проявляется не только в содержании песен, но и в их подлинно народном языке, в широком использовании выразительных средств народного творчества.

Мелодии гусанских песен всегда развертываются в традиционной сфере ладоинтонационных особенностей, метроритмических схем, формообразующих формул и норм мелодического изложения армянского народного песенного творчества, на традициях которого сформировались и окрепли все виды армянского профессионального творчества. Однако надо подчеркнуть, что в гусанском творчестве выразительные средства, заимствованные из практики народной музыки, почти не подвергаются изменениям.

На современном этапе своего развития гусанское творчество еще более приблизилось к живительным и неиссякаемым источникам народного творчества. Выдвинутые жизнью задачи заставили современных гусанов искать новые средства и решения. В этих поисках правильным оказался путь приближения к народным истокам, только он обеспечивал продолжение и развитие специфических стилистических особенностей гусанского творчества.

Между тем очевидна и специфическая разница между народным коллективным творчеством и гусанским — как профессионально-индивидуальным. Именно этой разницей обусловлены лаконичность народного творчества —

с одной стороны и стремление к более изысканным выразительным средствам, наблюдаемое в сфере профессионального творчества — с другой.

Носители гусанского творчества — выходцы из трудовых слоев народа. В своих песнях они все явления жизни воспринимают, оценивают и толкуют с позиций трудового народа. Соответственно древним традициям, гусаны и поныне сочиняют словесный текст и музыку своих песен, которые сами исполняют, выступая в качестве певца и аккомпаниатора. Разумеется, такой универсализм требует счастливого сочетания в одной личности творческой одаренности поэта и композитора, умения певца и инструменталиста.

Гусаны неизменно — и в прошлом, и в настоящем — пользовались и пользуются любовью всего народа. Творчество наиболее талантливых из них становится достоянием всей армянской культуры. Их имена часто ставятся в ряд с именами крупнейших армянских поэтов или музыкантов. А песни наиболее прославленных народных певцов — Нагаша Овнатана, Багдасара Дпира, Саят-Новы и Дживани, благодаря переводам на русский, французский и другие языки, перешагнули языковый барьер и стали доступными ценителям и исследователям песен всего мира.

К сожалению, нам неизвестны творцы песен более отдаленных этапов развития армянского гусанского творчества. Традиция устной передачи не сохранила нам их имена. Но уже в период развития тагов начинается письменная фиксация песен, и авторы иногда упоминают в текстах произведений свои имена. И только в армянском ашугском творчестве правилом стало в последней строфе песни называть свой ашугский псевдоним.

Ашуги стали записывать свои песни в специальных книгах, которые оставляли наследникам, в результате чего сборники многих армянских ашугов дошли до нас.

Одно из ценнейших таких собраний — рукописная книга Саят-Новы, которая хранится в Музее литературы и искусства Армении.

В практике армянского ашугского творчества была создана сложная система канонических правил и технических приемов, строго регламентирующих как творческий процесс, так и исполнительское искусство. Эти правила и приемы передавались из поколения в поколение, от мастера к ученикам. Не знающий их или пренебрегающий ими ашуг считался человеком неискусным в своем ремесле, невеждой. Как правило, будущий ашуг должен был стажироваться у какого-либо известного ашуга. Получив разрешение своего мастера, он сдавал публичный экзамен на звание ашуга, после чего ему присваивали псевдоним. Особенно необходимым было знание канонических правил при ашугских состязаниях, когда соревнующимся приходилось тут же сочинять и импровизировать на данную тему и, главное, в заданной стихотворной форме.

В период становления армянского ашугского творчества такие строгие правила помогали созданию стилистического единства и имели положительное значение. Но когда армянское ашугское творчество достигло расцвета и позже, в конце XIX века, когда ходом общественного развития выдвигались все новые и новые творческие задачи, устаревшие канонические правила явно сковывали творческие поиски армянских ашугов. Дживани, обладая незаурядным талантом, опираясь на свой большой авторитет, пошел по пути новаторства и фактически начал, но не смог довести до конца ломку старой системы ашугских правил и канонов. Его дело продолжил гусан Шерам.

В ходе творческих поисков, устремленных к созданию новых, главным образом музыкальных выразительных средств, окончательно раскрепостилась творческая ин-

дивидуальность современных армянских гусанов, каждый из которых имеет свой неповторимый творческий почерк, и это не только не нарушает стилистического единства современного гусанского творчества, но обогащает его и придает ему многогранность. Тем более что каждый из современных гусанов благодаря близости к истокам народного творчества в своих песнях несет музыкальные диалектологические особенности, характерные для той области Армении, в которой он родился и начал творить.

Новаторские поиски наиболее одаренных авторов значительно обогатили жанрово-тематическую сферу и выразительные средства современного гусанского творчества. Эти поиски велись и ведутся в двух основных направлениях. С одной стороны, в творчестве современных гусанов подвергаются пересмотру все унаследованные традиционные средства выражения: в практике остаются только те, которые могут служить претворению новых тем и образов.

Второй путь поисков — создание новых средств, которые, не нарушая стилистических норм гусанского творчества, расширяют его возможности.

Современное гусанское творчество отличается новыми чертами как в соотношении жанров и поджанров, так и в тематике, образах, поэтических и музыкальных приемах. В жанре любовно-лирических песен перестал численно преобладать раздел грустных песен. Традиционные безнадежность, уныние и грусть уступили свое место более жизнерадостным настроениям. В таком же аспекте обновился и раздел песен, посвященных восхвалению любимой. Современные гусаны создают более реальные женские образы. Авторы новых песен стали обращать внимание и на духовную красоту человека. Трудолюбие, преданность родине стали чертами качественно новых образов наших современников.

Эти новые качества повлияли на музыкальный язык современных гусанских песен, в которых грустные ритмоинтонации сменились жизнерадостными, песенностью и танцевальностью.

Значительные изменения произошли и в жанре патриотических песен. В прошлом песни этого жанра, подражая народным притчам-плачам, отражали трагическую участь народа либо маршеобразными ритмоинтонациями поднимали его боевой дух, воспитывали ненависть к врагам. В современных же гусанских патриотических песнях в основном воспевается мир и созидательный труд, доблестное прошлое, светлое будущее и дружба народов, красота родного края, героизм советских людей. Содержание таких песен обычно воплощается гимническими эпико-лирическими музыкальными средствами. Нам кажется, что эта тенденция заметна не только в армянском гусанском творчестве.

В прошлые века, будучи одной из ведущих отраслей светского мышления, гусанское творчество, наряду с эстетической функцией, имело также публицистическую и дидактическую функции, которые проявлялись в многочисленных поучительных и философских песнях. Мастера прошлого в таких песнях как бы вели своеобразную устную летопись истории и жизни народа. В них рассказывалось о важных событиях — войнах, опустошительных набегах, землетрясениях или засухах и других бедствиях, которым подвергался народ.

В те времена, когда письменность была недоступной широким слоям народа и письменных средств передачи такого рода информации фактически не существовало, значение этих песен было огромным.

Часто в поучительных песнях воспевались положительные нравственные качества людей — справедливость, трудолюбие, порицались жадность, несправедливость и т. д., велись философские рассуждения о смысле жизни,

о причинах ее сложности. Такие песни передавали из поколения в поколение общенародную мудрость, накопленную на протяжении веков.

Тяжелые социально-политические условия заметно отражались на общем настроении, господствующем в этом жанре. Трудность постижения истинных причин всех бедствий, переносимых народом, обусловила появление многочисленных пессимистических песен.

Вся система выразительных средств была подчинена общей задаче этих песен — передаче смысловой информации, чем обусловлены большие масштабы словесного текста, длинные строки, составленные из 16 и более слогов, большое количество строф в песне, преобладающая речитативность музыкального изложения, отсутствие рефренов.

На современном этапе развития гусанского творчества публицистические и дидактические песни потеряли свое былое практическое значение и приобрели новую окраску. Усилилась эстетическая функция песен этой тематики. Когда современные гусаны, отдавая дань традициям, сочиняют песни этого жанра, они по-новому трактуют различные жизненные вопросы; чаще всего они используют этот жанр, чтобы высказать свои творческие взгляды, раскрыть отношение к своему искусству, к своему гражданскому долгу художника.

Наиболее значительное достижение современного этапа развития гусанского творчества — расширение роли музыкального фактора, продиктованное стремлением к более совершенному единству словесного текста и мелодии песен, к более глубокому и многогранному отражению новой действительности.

Не так давно, еще в конце XIX века, считалось, что в ашугском творчестве главное — поэтический текст, что именно он является основным носителем содержания песни, а мелодия только дополняет его. Даже свои

авторские права ашуги распространяли только на тексты песен. Понятно, что такое отношение к музыкальному фактору отражалось на их музыкальном творчестве.

Более глубокое осознание роли и расширение значения музыкального фактора, которое во многом обогатило гусанское творчество, проявляется по-разному. Мы уже говорили о песенности и танцевальности, которая стала характерной для жанра любовно-лирических песен. Другое проявление возросшего значения музыкального фактора заметно в мелодическом обогащении и большой активности рефренов песен. В тех песнях, текст которых не имеет рефрена, последние одна-две строчки куплета, повторяясь в новом музыкальном изложении, выполняют роль рефрена.

В музыкальном творчестве современных гусанов определенное значение имеют и те маленькие инструментальные вводные наигрыши, которыми гусаны предваряют свои песни. Эта традиция не новая, порождена она необходимостью перед началом песни, проигрывая мелодию или часть ее, как бы подготовить себя и слушателей к восприятию песни. Смелее и активнее применяя эту традицию, современные гусаны нередко в этих маленьких интродукциях как бы создают обобщенный мелодический образ песни. Конечно, характер и изложение этих наигрышей во многом зависят от специфики инструмента, на котором играет данный гусан.

Другое проявление возросшего значения музыкального фактора заметно в музыкальном строении песен современных гусанов. Формы стали более стабильными, четкими. Как и раньше, в основном применяются одночастные (период), двухчастные и трехчастные песенные формы, однако эти формы стали проявляться в более развитом виде. Импровизационный стиль мелодического изложения современными гусанами воспринима-

ется как выразительное средство, отражающее взволнованное душевное состояние.

Развитие гусанского творчества выразилось и в обогащении исполнительских возможностей и приемов. Если раньше гусан (обычно странствующий) сам пел и аккомпанировал себе на каком-либо инструменте, и это был единственный способ пропаганды его песен, то сейчас эти песни звучат с концертной эстрады, передаются по радио и телевидению, их исполняют как отдельные солисты, так и различные ансамбли. Нередко используются декорации, национальные костюмы, хореография, а иногда прибегают к театрализации отдельных эпизодов.

Все это раскрывает богатые возможности, заложенные в произведениях гусанов.

Ставшие традиционными вечера гусанских песен, в том числе и авторские, всегда привлекают большую аудиторию. Творчество гусанов пользуется всеобщим признанием.

Многие гусаны удостоены высокого звания заслуженного или народного артиста республики. Их песни изданы, о них пишут исследования и статьи. Например, о гусане Аваси на русском, а затем на армянском языке издавались работы видного армянского музыковеда Роберта Атаяна.

Цель данной работы — представить широкому кругу читателей творчество трех современных армянских народных певцов-гусанов: Шерама, Ашота и Шаэна.

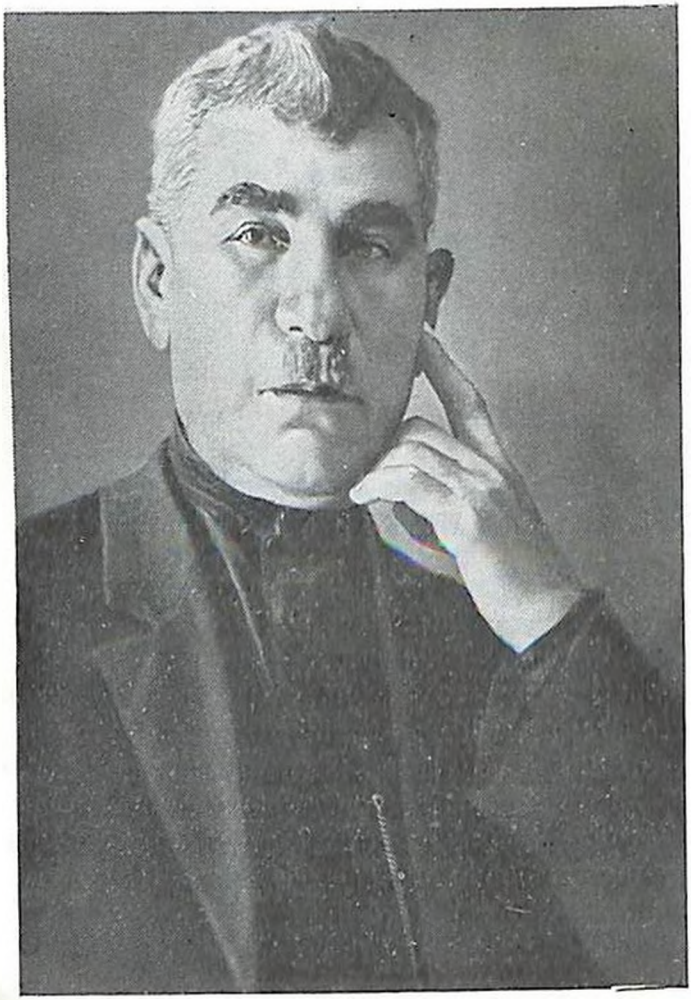
ГУСАН ШЕРАМ

Гусан Шерам — новатор и основоположник современного гусанского творчества. Его песни оказались связующим звеном между ашугским и современным гусанским творчеством как в хронологическом порядке, так и в стилистическом отношении. В них вырабатывались и утверждались те основные принципы, которые стали специфичными для современного гусанского творчества.

По обстоятельствам личной жизни и по своей творческой природе Шерам — непревзойденный лирик-миниатюрист армянского песенного творчества конца XIX—начала XX века, создатель глубоко задушевных, волнующих любовно-лирических песен. Именно за это его любит и почитает народ.

Шерам сумел подняться в своем творчестве до осознания классовой борьбы. Созданная им в трудные годы первой русской революции и впервые изданная в 1907 году песня, посвященная учителю мирового пролетариата Карлу Марксу, и поныне удивляет нас глубиной содержания, лаконичностью и совершенством формы, умелым отбором и использованием выразительных средств.

1827



Гусан Шерам (Грикор Талян) родился в 1857 году в городе Александрополе (ныне Ленинакан) в семье, которая дала армянской культуре и особенно музыке целый ряд деятелей[1].

Дед гусана Шерама — Багдасар — был ашугом и носил псевдоним Кямали. Он скончался в 29-летнем возрасте в 1832 году, но некоторые его песни сохранились и изданы.

Отец гусана Карапет Талян и брат отца Ованес в середине XIX века были владельцами кафе-ресторана, который находился на одной из центральных улиц Александрополя. Здесь по вечерам со своими ансамблями выступали знатные армянские ашуги своего времени —Дживани, Сазан, Джамали и другие. Эти выступления, по существу, превращались в настоящие песенные вечера, привлекающие видных представителей музыкально-литературной творческой интеллигенции. О них сохранились яркие воспоминания многих деятелей армянской литературы.

Будущий гусан родился и провел детские годы в очень благоприятной среде. Он ежедневно слушал песни знаменитых ашугов, имел возможность знакомиться с традиционными музыкально-поэтическими выразительными средствами и приемами армянского ашугского творчества.

---

[1] Наиболее известные из них: двоюродный брат гусана Шерама — Мкртич Оганесович Талян — ашуг Джамали; сын Джамали — Шара Мкртичевич (обычно Никитович) Талян, певец и знаток армянского народного творчества, составитель ряда ценных песенных сборников; старший сын гусана Шерама — композитор Вардкес Григорьевич Талян — один из основоположников армянской советской композиторской школы, учитель ряда видных композиторов: Э. Мирзояна, А. Бабаджаняна, А. Арутюняна, Л. Сарьяна, Р. Атаяна и других; младший сын гусана Шерама — писатель Вазген Григорьевич Талян.

А самое главное — что в повседневном общении с ашугами он мог следить за их творческой жизнью, вникать в их творческую лабораторию, улавливать реакцию публики и понимать причины творческих удач или огорчений.

Однако ашугское творчество не оказалось единственной школой будущего гусана. В формировании его творческой личности очень плодотворным оказалось влияние традиций народного творчества. И это вполне закономерно: ведь родной город гусана Шерама, как и вся Ширакская область, издавна славится традициями армянского народного творчества. Богатство жанров, глубина и содержательность, красочность и разнообразие выразительных средств, особая поэтичность отличают как крестьянское песенное и инструментальное народное творчество окружающих сел, так и городское народное творчество нынешнего Ленинакана.

Итак, творческий почерк гусана Шерама сформировался на основе традиций армянского ашугского и народного творчества.

Молодой гусан начал самостоятельно творить, открыто противопоставляя свое творчество ашугскому. Он был первым, кто, родившись в ашугской среде и хорошо усвоив ее традиции, с начала своей творческой деятельности не подчинился им.

Шерам со всей пылкостью юношеского возраста, смелостью и уверенностью творчески одаренных людей взбунтовался против той рутины, которая мешала развитию ашугского творчества. Однако по существу он отрицал лишь его формальные черты и канонические правила, а остальное — все, что было здоровым и поучительным, то есть содержание и дух ашугских песен (сознательно или нет, это не имеет значения) охотно принимал и развивал. Стремясь к полной творческой свободе, он в основном пренебрег законами

стихосложения, утвердившимися в ашугском творчестве.

Как правило, будущий ашуг должен был стажироваться у какого-нибудь известного ашуга. Достигнув определенного мастерства и получив согласие своего учителя, он сдавал публичный экзамен и получал звание ашуга, а заодно и псевдоним, который в качестве, так сказать, авторской подписи, как правило, упоминался в последних куплетах песен.

Гусан Шерам ни у кого не обучался, экзамен не сдавал, ашугского звания не получал, до 1914 года псевдонима не имел и в своих песнях своего имени не называл.

Примечательно то, что песни Шерама так и обошлись без авторского псевдонима, и если они порой бытуют как народные, то причина в их художественных достоинствах, а не в отсутствии подписи. Однако главным в новаторстве Шерама было то, что он пренебрег законами стихосложения, характерными для ашугского творчества, достигнув полной творческой свободы в процессе создания словесного текста и мелодии песен.

Шерам фактически утвердил новый, ставший основным принцип современного гусанского творчества: каждой новой песне — новая мелодия.

Творческая деятельность гусана Шерама началась после смерти отца, когда многое изменилось в материальном состоянии семьи Талянов. Еще не достигнув 20 лет, будущий гусан, вынужден был работать плотником. По вечерам в его маленькой мастерской собирались друзья и до поздней ночи пели любимые ашугские и народные песни. И вот на этих вечерах все чаще звучали созданные Гокором[1] (так его звали друзья) новые песни. В этой мастерской собственноручно был сделан и первый тар гусана, игра на котором, как свидетельствуют автобиографические записи, давалась

---

[1] Гокор — ласкательная форма имени Григор.

ему легко. В 1879 году, когда Шераму было 22 года, он создал маленький ансамбль. С этого времени будущий гусан полностью посвящает себя любимому делу. Ансамбль часто приглашали на свадьбы и семейные празднества.

Видимо, в этот период творческая деятельность Шерама активизировалась. К сожалению, точных данных о созданных им песнях, о времени существования ансамбля не сохранилось. Поэтому неудивительно, что позже, при организации разных юбилейных вечеров, посвященных гусану, уже достигшему широкой популярности, по-разному датировалось начало его творческой деятельности.

На фотографии 1885 года можно видеть Шерама играющим на таре в составе ансамбля Акопа Манукяна, который был одним из лучших в свое время, так что его часто приглашали даже в соседние города (Карс, Эчмиадзин, Ереван и т. д.), как вспоминает сам Шерам.

Гусан Шерам сочинял в основном любовно-лирические песни. Благодаря их высоким художественным достоинствам, а также незаурядным вокальным данным самого автора-исполнителя они сразу же завоевали широкую и прочную популярность. Их стали включать в разные сборники и песенники, издаваемые в конце XIX века. Со временем количество песен, созданных Шерамом, настолько возросло, что возникла необходимость их издания отдельными сборниками. Первый сборник под заглавием «Лира» удалось издать в 1902 году. В нем были помещены словесные тексты 75 песен. В 1905 году вышел в свет второй сборник, озаглавленный «Молнии протестов», третий сборник — «Любовь и борьба» — был выпущен в 1907 году. В нем впервые была опубликована песня, посвященная Карлу Марксу.

Под заглавием «Неорошаемый сад» в 1913 году вышел в свет четвертый сборник песен. Распространение всех этих сборников несомненно способствовало популярности гусана: его творчество стало доступным армянам, живущим в самых отдаленных городах.

В 1913 году Шерама пригласили в Астрахань, где армянская община торжественно отмечала 1500-летие создания армянского алфавита, через год — на этнографический вечер, организованный бакинским армянским культурным обществом.

И везде его выступления пользуются огромным успехом. Поэт Ованес Ованнисян, имея в виду очень мягкое, «шелковое» пение гусана, назвал его Шерамом, что в переводе означает шелкопряд, и эта меткая характеристика закрепилась как псевдоним гусана, хотя он, как и прежде, продолжал в своих песнях не упоминать своего имени.

В 1916 году увидел свет пятый сборник, озаглавленный «Стремительный поход». В этом же году гусан переезжает в город Тбилиси, который в то время являлся одним из самых больших центров армянской культуры. Здесь жили и творили виднейшие представители армянской творческой интеллигенции: поэт Ованес Туманян, композиторы Армен Тиграняи, Романос Меликян, Саркис Бархударян, художники Егише Тадевосян, Амаяк Акопян, скульптор Микаэл Микаэлян и др. Гусан Шерам был принят тепло и радушно. После смерти Дживани (1909 г.) в Тбилиси среди армянских гусанов не было таланта, который мог взять на себя функцию ведущего.

После установления Советской власти творческая и общественная деятельность гусана Шерама активизировалась. Он участвовал почти во всех культурно-политических мероприятиях, сочинял песни, посвященные новой жизни.

Часто организовывались его собственные творческие вечера. 2 апреля 1922 года в Тбилиси был организован юбилей 35-летия его творческой деятельности, на котором с докладом, посвященном Шераму, выступил видный знаток армянского ашугского и гусанского творчества, сын Дживани — Гарегин Левонян; 3-го мая 1926 года в родном городе гусана, который уже носил имя великого Ленина — Ленинакане состоялся юбилейный вечер, посвященный 40-летию творческой деятельности гусана Шерама. На вечере, кроме многочисленных поэтов, народных певцов со своими ансамблями, выступали также и профессиональный оперный певец Тигран Налбандян, хор музыкальной студии города (в дальнейшем преобразованной в музыкальное училище) под управлением известного композитора и хормейстера Даниела Казаряна. Все это говорит о большой популярности Шерама и всеобщем признании его заслуг.

В 1927 году группа профессоров и преподавателей Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, в составе которой были такие будущие видные ученые, как Х. С. Кушнарев и Е. В. Гиппиус, посетила Армению с целью собирания армянского музыкального фольклора. Экспедиция заехала в Тбилиси и в исполнении Шерама записала на восковые валики 11 песен гусана. Эти валики ныне хранятся в фондах Ленинградского Пушкинского дома, а их копии — в фондах отдела народной музыки Института искусств АН Армянской ССР.

Трудно переоценить научно-познавательное и практическое значение этих записей, которые сделаны, когда Шераму уже было за 70 лет; несмотря на техническую несовершенность, они дают нам представление о живом звучании голоса гусана и манере исполнения.

В 1930 году в Венеции на армянском языке была издана брошюра филолога и искусствоведа Арама Ере-

мяна, посвященная жизни и творчеству гусана Шерама. По существу это первая публикация о творчестве вообще какого-либо армянского народного певца-ашуга или гусана. Неслучайно она посвящена именно Шераму: это лишний раз напоминает нам о широчайшей популярности гусана, которая пришла к нему еще при жизни.

В 1935 году гусан Шерам переезжает в столицу Армении Ереван. Здесь он, невзирая на уже преклонный возраст, продолжает кипучую творческую деятельность, обучает в Радиокомитете молодых солистов своим старым и новым песням. Его принимают в члены Союза писателей Армении. Заведующий музыкальным научно-исследовательским кабинетом при Ереванской государственной консерватории им. Комитаса композитор-музыковед Арам Кочарян занимается записью песен гусана, фиксирует его воспоминания.

Тяжелая болезнь оборвала на 81 году жизнь гусана. 3 мая 1938 года его не стало.

Однако песни его живут и поныне. Живут в исполнении солистов и ансамблей — профессиональных и самодеятельных, ежедневно звучат по радио или телевидению в виде записей. Творчество Шерама продолжает все шире и шире служить народу.

Долго длилась подготовка издания песен гусана. Его сын композитор Вардкес Талян записал мелодии песен, составил сборник, но изданию помешала война. После войны в 1946 году Республиканским домом народного творчества был издан сборник, включающий записи мелодий и словесных текстов 16 песен гусана Шерама. Затем в 1948 году Армянским государственным издательством был издан сборник, включающий уже 78 песен с текстами и мелодиями. Этот сборник оказался первой, сравнительно обширной публикацией музыкально-поэтического наследия одного гусана. Предисловие было написано Аветиком Исаакяном, статьи —

филологом Гарегином Левоняном и музыковедом Мушегом Агаяном. В 1959 году сборник был дополнен (количество песен доведено до 106) и переиздан.

В 1969 году был издан составленный и прокомментированный младшим сыном гусана Шерама писателем Вазгеном Таляном сборник словесных текстов 300 песен гусана.

●

Одна из самых характерных черт песен гусана Шерама — доступность. Он умело использует, казалось бы, совсем простые, скромные формы и средства выражения, отшлифованные вековой практикой народного песенного творчества; как правило, сочиняет он тексты на близком армянскому литературному языку диалекте родного города.

Гусан Шерам, как мы уже отмечали, признанный мастер лирических миниатюр, он любит малые формы, меткость слова и мысли. В каждой песне он обычно выявляет одно душевное состояние или переживание.

Шерам предпочитает куплетные формы. Обычно в песне 3—4 четырехстишия, а в каждой строке по 7—8 слогов. Стараясь максимально повысить значение музыкального фактора, гусан Шерам достигает неповторимой мелодичности, кантиленности своих песен. Ничуть не умаляя художественных достоинств отдельно взятых словесных текстов его песен, надо согласиться с ученым-филологом Гарегином Левоняном в том, что в песнях гусана Шерама не стихи поются, а наоборот, мелодия дополняется словами[1].

В связи с этим необходимо подчеркнуть то большое значение, которое отводит гусан Шерам рефренам сво-

---

[1] См. вступительную статью Г. Левояна к сборнику песен гусана Шерама. Ереван, 1948 (на арм. яз.).

их песен. Обычно в песнях гусана Шерама рефрены четко выделяются. Они подытоживают содержание песни, в них — ее кульминация. Рефрены строятся в более свободной форме, иногда с неравномерными или повторяющимися строками. Тут все подчинено законам музыкальной речи.

Излюбленная тема песен Шерама — любовь. Гусан не просто расказывает об этом чувстве, а, создавая высокохудожественные песни об идеальной любви, проповедует возвышенное чистое и вечное чувство.

Песни гусана Шерама — живые зарисовки простых людей с их переживаниями, радостями и огорчениями. Разумеется, во всех песнях господствует образ возлюбленной.

Шерам щедро описывает ее красоту, широко пользуясь принятыми в армянском народном и ашугском песенном творчестве традиционными формулами, эпитетами и сравнениями, в которых стан любимой уподобляется стану чинары (как в русских народных песнях — березке); щеки — розам, глаза — звездам и т. д.

Внешней красоте соответствует духовный мир любимой. Почти всегда она очень нежная и сдержанная, и это обстоятельство часто «безжалостно мучает» влюбленного и «душу жжет» ему.

Вообще в прошлом тема безответной и вечной любви по ряду причин, и прежде всего социальных, была очень характерной для армянского народного и ашугского песенного творчества. Кроме того, в личной жизни Шерама существовала и своя объективная причина, которая делала эту тему особенно близкой гусану. Тем не менее наряду с такими грустными песнями Шерам создал и ряд жизнерадостных любовных песен.

В песнях Шерама большое место занимают красочные картины природы, которые часто становятся ключом понимания настроения и содержания всей песни.

Обычно им отводятся первые две строки четырехстрочного куплета, которые создают общий психологический настрой.

Приводим перевод двух куплетов из разных по эмоциональной окраске песен:

I. Неслись тучи друг за другом,
Пик Масиса помутнел.
Ах, ах, сердце загрустило
По любимой по своей [1].

II. Пришла весна, чудесная пора,
Цветов полны луга, поля.
В алое платье наряжена,
Любимая гулять пошла [2].

Пасмурная погода в первом примере гармонирует с грустным настроением автора. А во втором примере лаконично передается ощущение цветущей весенней поры и сама любимая как бы уподобляется цветам.

Однако картины природы не только пассивный фон: часто в сознании влюбленного гусана горы и птицы, ручьи и прохладный ветерок, разные явления природы как бы одушевляются, стараются утешить его в горе. Нередко сам гусан обращается к ним с просьбой подсказать путь к сердцу любимой.

Такая непосредственная духовная связь человека и природы, такое пантеистическое ощущение мира и жизни или опоэтизированное мышление более характерно для песен, стилистически близких народной крестьянской песне.

Гусан Шерам, будучи смелым новатором, утверждавшим в своем творчестве новые творческие принципы,

---

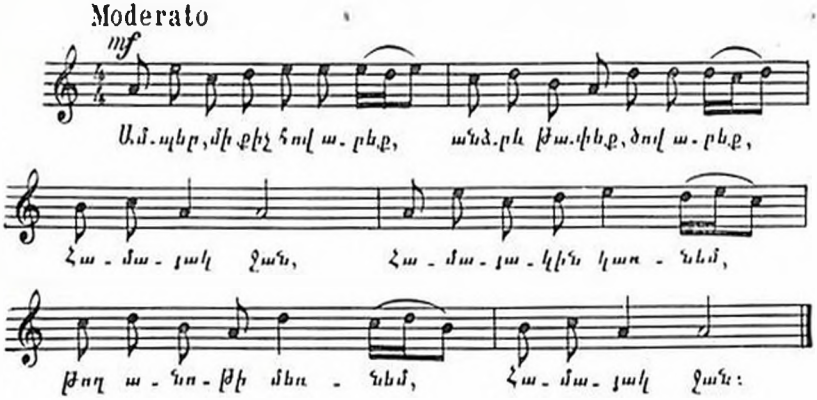
[1] Оригинал на армянском языке. См. сб.: Шерам. Ереван, 1959, с. 132.

[2] Там же, с. 60.

был в то же время очень требователен к чистоте стиля. Как уже было сказано выше, его творчество связано с лучшими традициями как крестьянского, так и городского народного песенного творчества. Создавая свои песни, гусан Шерам, независимо от выбранной темы или общего настроения, а лишь исходя из своих творческих соображений, строго придерживался стилистических норм либо крестьянского, либо городского народного песенного творчества. С первого взгляда можно предположить, что это позволяло ему подлаживаться к вкусам той или другой аудитории. Однако известно, что Шерам в основном выступал перед городской аудиторией, и следовательно, наличие в его творчестве песен, написанных в духе крестьянского народного творчества, говорит лишь о широте диапазона его творческих возможностей. Шерам лишь изредка решался синтезировать эти два стилистических направления.

Прекрасно зная различные пласты народного песенного искусства, гусан Шерам не удовлетворялся выбором только общего стилистического направления для создаваемой песни: он добивался воссоздания стилистического колорита той или иной ветви армянского крестьянского или городского народного песенного творчества. Для ряда песен он выбрал стиль одной из самых древних и распространенных ветвей армянского крестьянского народного творчества — молодежных песен-плясок. Ученые считают, что эти песни-пляски остались со времен матриархата, так как нередко в них приводятся женские имена из древнейших мифов-легенд. Они отличаются жизнерадостностью, лаконичность высказывания восполняется наличием остроумного подтекста, а чеканность танцевальных ритмоинтонаций дает возможность бесконечно продолжать песню или же прервать ее после любого куплета. Примером может служить народная песня «Амаяк джан».

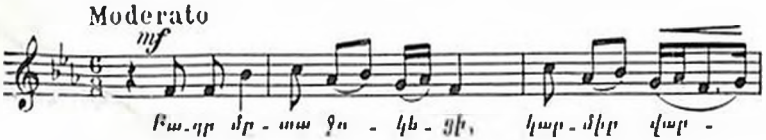
ՀԱՄԱՅԱԿ ՋԱՆ



Молодые парни и девушки, участвуя в круговом танце, импровизируют и поочередно исполняют куплеты, в которых либо прямо, либо в иносказательной форме обмениваются признаниями в любви, упрекают друг друга в непонятливости и т. д.

Один из таких примеров — песня гусана Шерама «Ле, ле, мила». В этой песне автору удалось передать как в тексте, так и в мелодии характерное для данного пласта крестьянского песенного творчества общее жизнерадостное настроение.

ԼԵ, ԼԵ, ՅԱՐԸՄ



-ղը պո - կե - ցի, ամպ,թե աստ - ված կը - սի - բես,

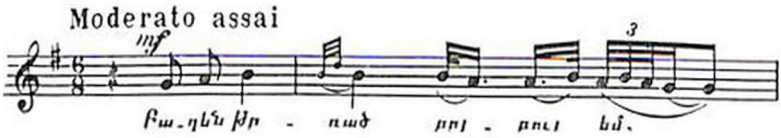
մեկ լուս - նյա - կին դեմ կե - ցի:

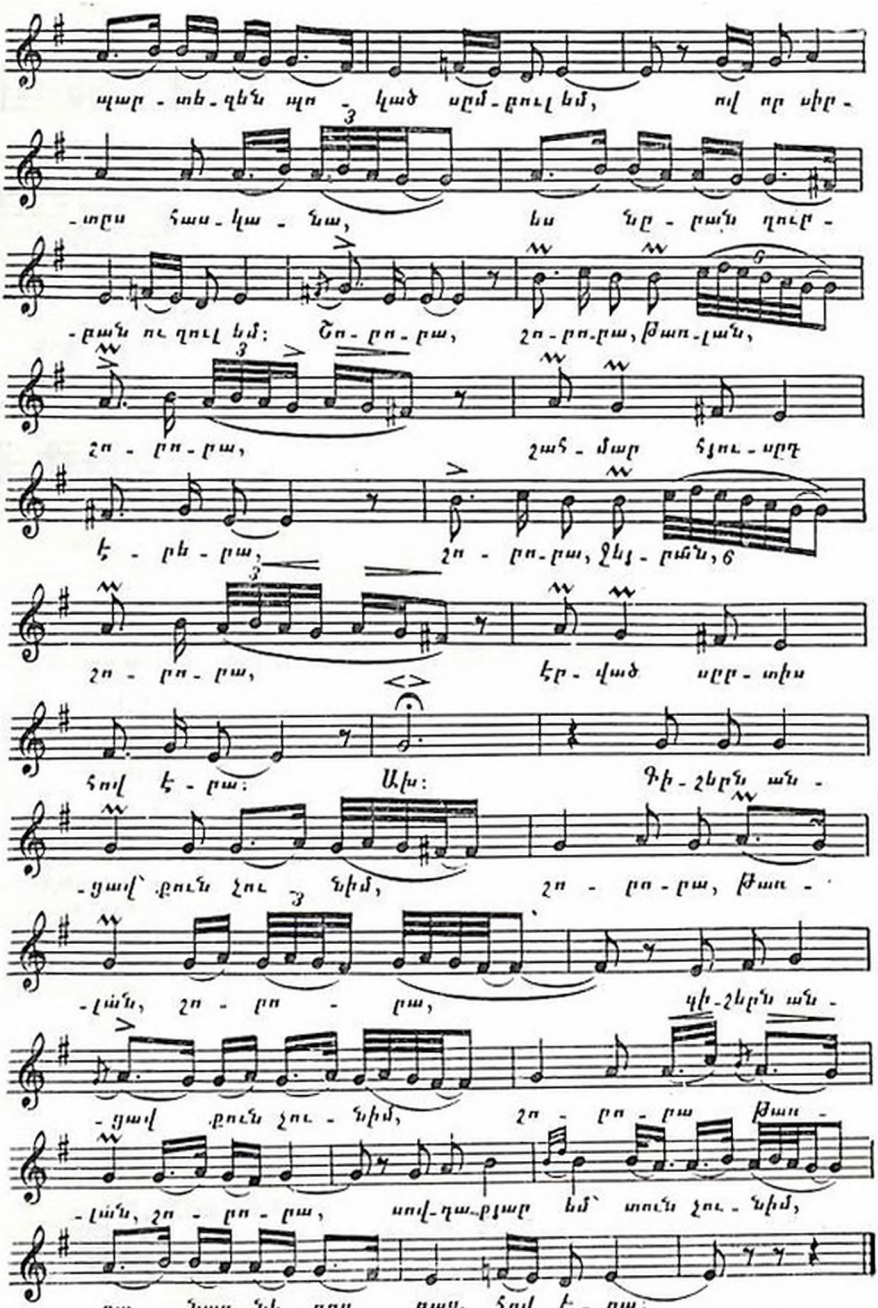
Վայ, լե, լե, լե, լե, լե, յա - բըմ,

լե, լե, լե, ջա - նըմ, թել - լի խա - նըմ:

Другой пример удачного воссоздания стилистических нюансов армянского крестьянского народного песенного творчества — песня «Шорора». Автор не описывает красоту возлюбленной, как это часто делается в ашуго-гусанских любовно-лирических песнях. Та безграничная нежность, с которой влюбленный гусан обращается к любимой, говорит больше любых хвалебных эпитетов и сравнений.

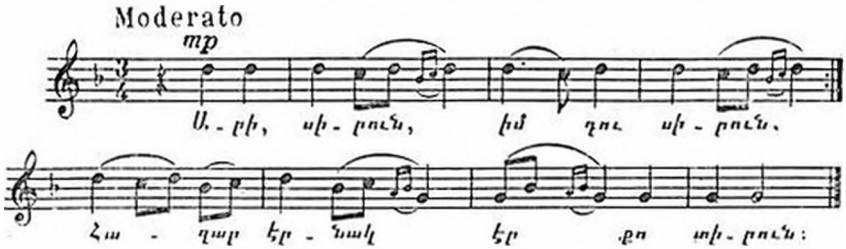
ՇՈՐՈՐՈՒ.




պար - տե - զեն պո - ղած սրտ - քուլ եմ, ով որ սիր -
-տրս հաս - կա - նա, ես նը - բան զուր -
-բան ու զուլ եմ: Շո - ռո - ռա, շո - ռո - ռա, Թառ - լան,
շո - ռո - ռա, շահ - մար հյուս - սրդ
է - ռե - ռա, շո - ռո - ռա, Հայ - բան,
շո - ռո - ռա, էր - վաղ սրբ - տիս
հով է - ռա: Ախ: Դի - հերն ան -
-ցալ քուն չու - նիմ, շո - ռո - ռա, Թառ -
-լան, շո - ռո - ռա, դի - հերն ան -
-ցալ քուն չու - նիմ, շո - ռո - ռա Թառ -
-լան, շո - ռո - ռա, սով - դա - թյար եմ՝ տուն չու - նիմ,
զա - նազ - նե - ռրդ քաց, հով է - ռա:

Разумеется, такому содержанию песни не могли соответствовать общее настроение и стилистические черты народных плясовых песен, и автор остановил свой выбор на другой ветви народного крестьянского песенного творчества. Армянским народным крестьянским любовно-лирическим песням обычно присущи плавность и богатство мелодического рисунка, многогранность ладовых оттенков, умеренное использование мелизматики, стройность формы. Такова песня «Приди, красавица».

ԱՐԻ ՍԻՐՈՒՆ



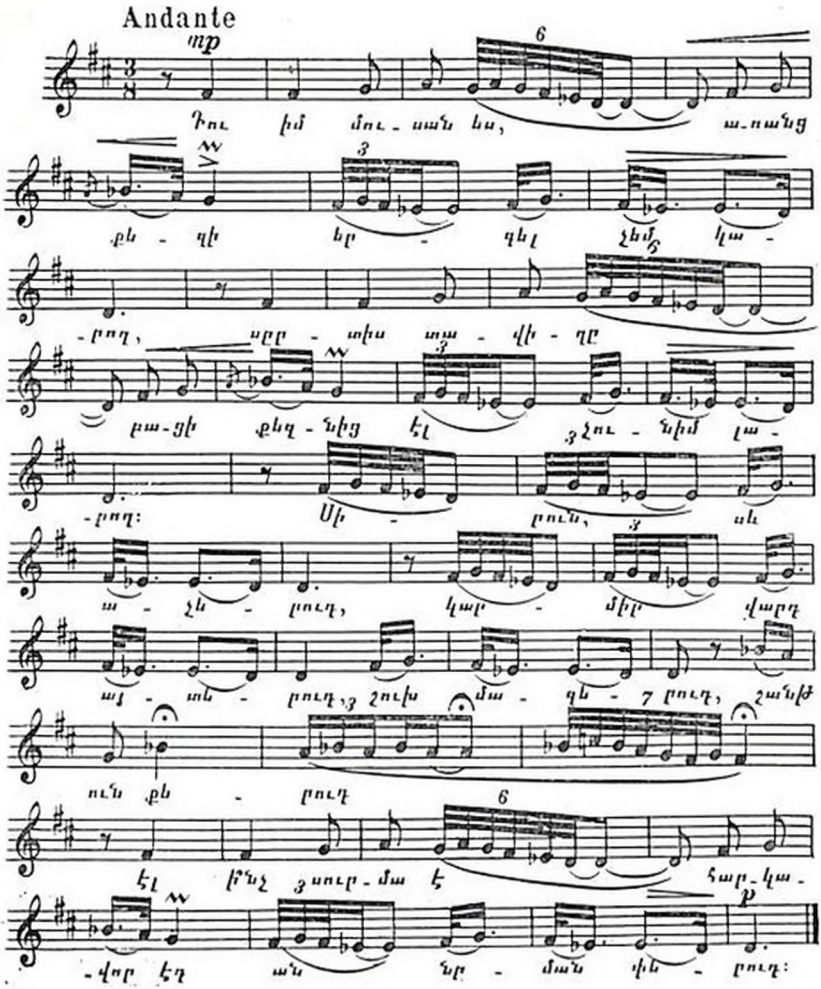
Именно такие произведения послужили Шераму образцом при создании песни «Шорора».

Как мы уже отмечали, в стремлении к созданию большей певучести гусан Шерам иногда расширяет рефрен, и данная песня — один из примеров этого. Именно в рефрене происходит развитие мелодии, причем выявление новых ладовых сфер придает ей особую красочность. Здесь же материал развивается вариационно. А концовка рефрена, выступая в качестве своеобразной репризы, придает законченность форме.

Расширение рефрена песни «Шорора» приводит к тому, что его можно рассматривать как частное построение. Первые строки рефрена имеют разработочный характер, а последние четыре строки — репризный.

Неудивительно, что песня Шерама «Шорора»— одна из тех, которые давно считаются народными.

ԴՈՒ ԻՄ ՄՈՒՍԱՆ ԵՍ



Иного плана песня «Ты муза моя». В ней создан образ влюбленного, который не имеет надежды на взаимность. Общее настроение песни взволнованное, грустное, но без оттенков мрачности.

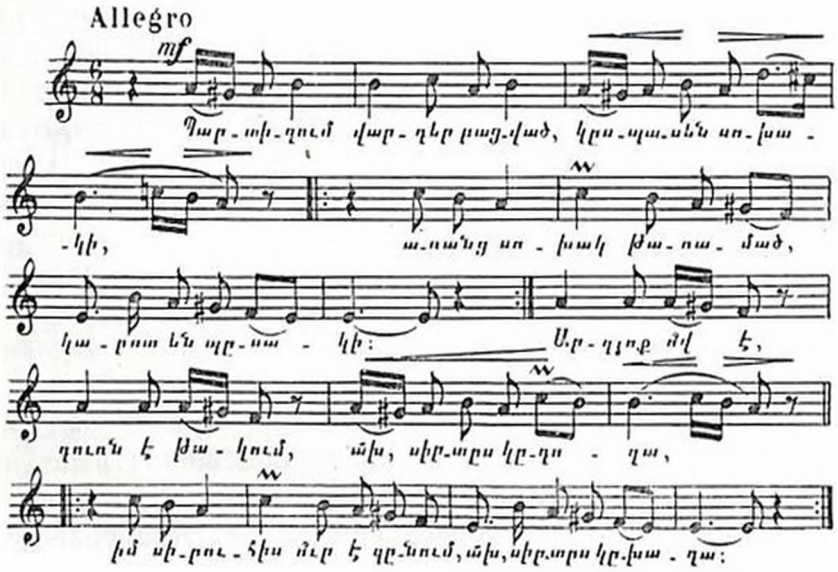
Это уже не созерцательная лирика, а выявление душевных переживаний человека, оставшегося наедине со своими чувствами. По стилистическим особенностям эта песня близка к произведениям городского песенного творчества. Исходный материал мелодии — как бы омузыкаленные стоны, приведенные в беспокойном, будто ищущем изложении. Принцип вариационного развития применен не с целью обогащения мелодического рисунка, а как средство усиления взволнованности, нестабильности, негладкости мелодии. Увеличенная секунда, опеваемая с демонстративной подчеркнутостью, выступает в качестве доминирующего средства мелодического образования.

Широкая популярность этой песни убеждает, что автор сумел достичь художественного обобщения переживаний отдельной личности и возвыситься до той типичности, которая обеспечивает долгую жизнь произведению искусства.

Однако самая популярная песня гусана Шерама — «В саду раскрылись розы». Изданная впервые в 1902 году, эта песня, отличаясь искренностью и простотой, быстро приобрела широкую известность. Благодаря последним двум строкам первого куплета, где говорится о венце, она стала все чаще и чаще исполняться на свадьбах. Ныне песня «В саду раскрылись розы» приобрела значение обрядовой и исполняется в один из кульминационных моментов свадебного обряда.

Не только высокие художественные достоинства необходимы для обеспечения такой широкой популярности, но и те трудноуловимые качества, которыми должны обладать обрядовые песни и секрет которых знает только народ. Тем более значительна заслуга гусана Шерама, который благодаря истинной народности своих творческих принципов смог создать ставшую обрядовой песню.

ՊԱՐՏԻԶՈՒՄ ՎԱՐԴԵՐ ԲԱՑՎԱԾ



Наряду с любовно-лирической тематикой в творчестве гусана Шерама важное место занимает гражданская лирика. Его — певца народа — увлекали и волновали все проявления народно-освободительного движения. Он создал множество ярких и широко популярных песен, посвященных вождям пролетариата и героям освободительной борьбы, которые с оружием в руках отстаивали право на существование армянского народа, воспевал братство и дружбу советских народов.

В ряде песен гусана Шерама любовно-лирические и гражданские мотивы переплетаются и дополняют друг друга. Часто любовно-лирические песни содержат мотивы протеста против социального неравенства и призыв к борьбе, а патриотические и гражданские песни согреты высказываниями о любовно-лирических переживани-

ях. Это расширяет, обогащает духовный мир героев песен Шерама.

Одним из ярчайших примеров песен такой тематики является песня гусана Шерама, посвященная учителю мирового пролетариата Карлу Марксу[1].

Появление этой песни именно в гусанском творчестве — не случайность, как не случайно и то, что она была создана в Александрополе, старом городе ремесленников.

На протяжении веков в армянском народно-профессиональном песенном творчестве вырабатывались богатые и устойчивые традиции песен, насыщенных социальными и патриотическими мотивами.

Благодаря переводам поэта В. Я. Брюсова, истинного поборника дружбы народов, читатели нашей многонациональной страны уже давно имели возможность ознакомиться с произведениями такого рода. Одной из вершин гражданской поэзии, несомненно, является пламенное творчество Фрика — поэта XIII—XIV вв., который в условиях господства духовенства осмелился в своих произведениях поднять голос протеста против бога[2].

Позже великий лирик-гуманист XVIII века Саят-Нова в своих изысканных песнях, посвященных любимой, в песнях, полных нежных и теплых чувств, не смог не поднять голос страстного протеста против социального неравенства. В XIX веке в творчестве Дживани социальные и патриотические мотивы достигли нового расцвета. В его песнях излагались думы и философские размышления о причинах бедности и богатства, о царской тирании и дружбе народов. Такие песни стали ду-

---

[1] См. публикацию этой песни в журнале «Советская музыка», 1973, № 11.

[2] См.: Армянская поэзия в переводах В. Я. Брюсова. Ереван. Армгосиздат, 1956.

ховной пищей широких слоев армянского народа, который в XIX веке, живя в условиях тяжелейшего национального и социального угнетения не терял надежды на светлое будущее. И когда весть об учении, предсказывающем неминуемый конец порабощения людей и народов, донеслась до Армении, лучшие представители армянского народа с жадностью стали искать возможность приобщения к марксизму. Первые попытки перевода «Манифеста Коммунистической партии» на армянский язык делались еще в 80-е годы. В 1888 году в предисловии к третьему английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Ф. Энгельс писал: «Армянский перевод, который должен был быть напечатан в Константинополе несколько месяцев назад, как мне передавали, не увидел света только потому, что издатель боялся выпустить книгу, на которой стояло имя Маркса, а переводчик не соглашался выдать «Манифест» за свое произведение» [1].

Но, невзирая на все препятствия, имя и учение Маркса продолжали распространяться в широких слоях армянского народа. Создание песен об учителе пролетариата стало велением времени. Ведь в своих песнях гусаны затрагивали, как правило, именно те темы, которые волновали народ.

Шерам был тем передовым гусаном, который раньше и глубже других понял это. И справедливости ради надо сказать, что создал он эту песню, не только учитывая запросы слушателей, но с большой любовью и убежденностью художника и гражданина. Нас не может не удивлять такая смелость народного певца, который в труднейших условиях царской тирании, после поражения первой русской революции 1905 г., не терял надежды на светлое будущее народа. Велика была уве-

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. II, т. 21, с. 366.

ренность Шерама в том, что раскроются тюрьмы и распадутся цепи, что имя Маркса будет сиять в веках, раз все это он описал в своей песне как уже сбывшееся событие.

ԿԱՐԼ ՄԱՐՔՍԻ ՍՆԱՄԱՀ ՀԻՇԱՏԱԿԻՆ

Marciale

Ա - հա ցո - լա - վալլ ճա-հանչն ա - բե - -վի թըշ - վա - ոի դեմ - -ջին մի նոր լույս շո - ղեց, դա - բե - բով տան-ջող բրո - նուզ - թյան ճան կից լուրն ա - զա - տուզ-թյան աշ-խարհ ո - դո - ղեց: Ծաղ-կունք, թրուչունք թող բերկ-բին, վարդ ու բըլ-բուլ թող մըպ-տան, ծիտ ու ծի-ծառ թող հըրճ-վին թըշ - վա - ոի ա - զա - տուզ - թյան:

В нее Шерам вложил все свое мастерство, максимально использовав самые выразительные средства гусанского творчества. Величественные и красочные картины природы, имеющие глубокий смысл сравнения, придающие песне пространственность и масштабность, глубже раскрывают содержание. Автор как бы призывает природу — багряное море и звезды небес, розы и

соловьев принять участие в восхвалении «величайшего современника».

Шерам создал очень гибкую форму. В куплетах сконцентрирован заряд революционных настроений, а рефрены полны лиризма, и чередование этих контрастирующих и в то же время взаимно дополняющих настроений придает песне особую характерность.

Рефрены подвержены вариационному развитию. Это средство стихосложения требует высокого мастерства и в гусанском творчестве применяется довольно редко.

Своеобразен и музыкальный язык песни. Автор здесь синтезирует разные стили: маршеобразная мелодия — в стиле городского народного творчества, но уже с кадансового оборота куплета подготавливается новое настроение. Мелодия рефрена соответствует словесному тексту — более лирична и приближается к стилю крестьянских народных песен. Она построена в виде секвенции, однако эти секвенции восходящие, а не нисходящие, как часто наблюдается в гусанском творчестве.

В рефрене интонации песни заметно развиваются за счет увеличенной секунды, которая до этого существовала в звукоряде, но не опевалась.

Трудно переоценить значение этой песни не только в творчестве гусана Шерама, но и в дальнейшем развитии армянского песенного творчества вообще.

Созданные Шерамом песни «Великому современнику», «Подобно орлу», «Ленину», «Степану Шаумяну», «Да здравствует могучий Союз», «Новый Ленинакан» и другие утвердили новый жанр гражданско-патриотических песен в армянском музыкальном искусстве.

Творческое наследие гусана Шерама — неоценимый вклад в музыкальную культуру армянского народа.

Имя гусана, который поднялся до высот художественного обобщения и выражения народного сознания, будет жить века.

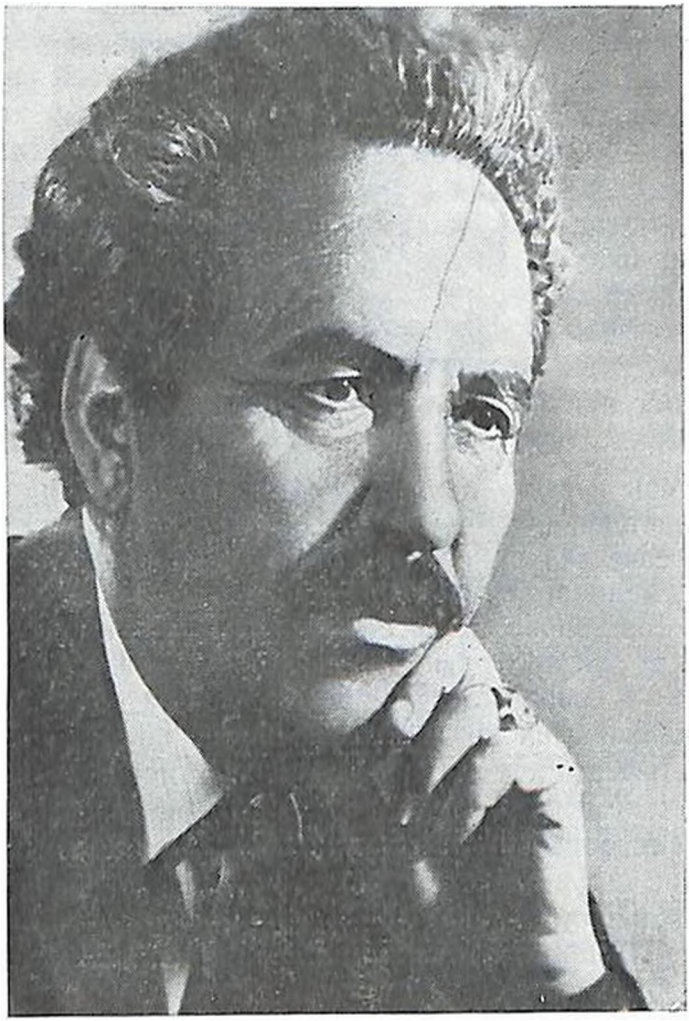
ГУСАН АШОТ

Гусан Ашот — один из ведущих современных гусанов Советской Армении. В своем творчестве гусан Ашот умело сочетает унаследованные традиции с новаторскими смелыми решениями.

Многожанровость песен, богатство образного содержания и разнообразие применяемых выразительных средств — основные качества творчества гусана Ашота.

Создавая мелодии своих песен, он не отрывается от родной сферы ладоинтонационных и метроритмических традиционных средств армянского народного и народно-профессионального песенного творчества. Тем не менее музыкальный язык песен Ашота наделен яркой индивидуальностью.

Гусан Ашот — уроженец Сюникского края. Жители этого сурового, скалистого и в то же время сказочно красивого уголка Армении с глубокой древности славились своим трудолюбием и стремлением к независимости. И это понятно: висящие на солнечных склонах гор маленькие клочки обрабатываемой земли вознаграждали упорный труд крестьянина лишь скудным урожаем



хлеба и винограда, граната и миндаля, но зато скалы, дерзко стремящиеся в лазурное небо, стоящие как огромные оборонительные башни у входов в глубокие и неприступные ущелья, надежно охраняли от нашествий иноземных поработителей. Даже монголы в своих опустошительных набегах обходили Сюник.

Несомненно, природа этого края и его историческая судьба оказали влияние на характер людей, их восприятие окружающего мира, отношение к своему и чужому труду, к древним традициям родной национальной культуры.

Родился гусан Ашот (Ашот Айрапетович Дадалян) в 1907 году, в семье крестьянина, в селе Хидзореск Горисского района. Рано закончилось его детство. Ему было 7 лет, когда скончалась мать, и маленького Ашота отдали в пастухи — пасти ягнят. Материнскую ласку ему стали заменять родные горы и сверкающие всеми красками радуги цветы альпийских лугов. И как подобало всем пастухам, Ашот играл на свирели, но его привязанность к этому нехитрому музыкальному инструменту была особой и необычной. В его детском воображении нежные звуки свирели то подражали радостному щебетанию птиц, то слагали сказки о богатырях, то сопровождали причудливое шествие белых облачков, проходящих по острым вершинам гор.

У пастухов часто гостили ашуги — народные певцы, восхваляющие народных героев, красоту родного края, дружбу народов и, конечно, чувство чистой и вечной любви. Это была первая жизненная и музыкальная школа Ашота.

Все эти яркие впечатления детских и юношеских лет предопределили не только формирование его духовного мира, но и будущую судьбу.

Параллельно с учебой в общеобразовательной школе Ашот, участвуя в занятиях кружков художественной

самодеятельности, овладевает игрой на кяманче. Это инструмент с богатыми выразительными возможностями, и Ашот мечтал стать виртуозом. Когда ему исполнилось 20 лет, он стал солистом районного радиоузла. Но больше всего Ашота обрадовало другое: ашуг Ата — знатный народный певец района — согласился взять с собой в поездку по окружающим селам молодого кяманчиста в качестве аккомпаниатора. Мечты юноши сбывались. У него появилась возможность выучить песни классиков армянского ашугского искусства — Саят-Новы, Дживани и др.; более того, играя на кяманче, он чувствовал себя причастным к их искусству.

Итак, Ашот вошел в круг ашугов, аккомпанировал им и сам пробовал сочинять песни. Как и надо было ожидать, его первые песни посвящены любовной тематике: он восхваляет красоту любимой девушки, поет о своих переживаниях, мечтает о счастье. Семья любимой девушки неожиданно переехала куда-то очень далеко, и разлука послужила новым толчком для творческой активности гусана. В эту пору Ашот сочиняет песню за песней. Самозабвенно отдаваясь творчеству, он ищет в любимом искусстве утешения. В одной из песен этого периода — в песне «Достойная уроженка Зангезура»[1] есть строки, в которых автор признается, что влюблен в «пламень сердца своего», то есть в свое искусство. Так к Ашоту приходит осознание того, что он стал гусаном.

Следует упомянуть также песню гусана Ашота «Зацвели сухие земли», созданную в начале 30-х годов. Ее тематика указывает на то, что молодого гусана волновали не только любовные чувства, но и судьба родного края.

---

[1] Оригинал на армянском языке. См. сб.: Ашот. Любовь гусана. Ереван, 1958, с. 137.

Своеобразно решены в ней проблемы формы и музыкального языка. Автор, обогатив песенный склад танцевальными ритмоинтонациями, а также использовав своеобразный колорит местного диалекта, создал жизнерадостную, почти шуточную песню.

Итак, от песни к песне расширяется тематический круг творчества гусана Ашота, все более и более углубляется содержание песен, появляется зрелость мастерства, четко определяется своеобразная и неповторимая творческая индивидуальность.

В 1936 и 1938 годах гусан Ашот, участвуя в Олимпиаде художественной самодеятельности, удостаивался первой премии.

После этих успехов его творчество получает всенародное признание. Если раньше песни Ашота пользовались популярностью в его родном крае, то в конце 30-х годов они стали звучать повсюду: в концертных программах профессиональных и самодеятельных певцов и коллективов, в передачах Республиканского радиовещания, в быту народа и даже за границей, где проживали армяне.

Нет сомнения в том, что гусан Ашот достиг такого всенародного признания не только благодаря художественным достоинствам своих песен, но и тому, что в своем творчестве на уровне высокого мастерства поднимал общественно значимые проблемы и темы.

В 1939 году, когда весь армянский народ торжественно праздновал тысячелетний юбилей создания армянского средневекового эпоса «Давид Сасунский», гусан Ашот откликнулся на это событие песней «Слава тебе, наш Давид».

А когда созидательный труд советских людей был прерван войной, принесшей несметные лишения, Ашот в своем творчестве правдиво отражал переживания мужественных воинов — сыновей армянского народа, ко-

торые сражались далеко от родных краев, с гордостью сознавая, что они отстаивают право на счастливую жизнь не только для своего народа, но и для всего человечества.

В этот же период гусан Ашот создал песни, наполненные особым лиризмом и теплотой, в которых отражались чувства тех, кто остался дома, женщин, которые самоотверженно трудились и сердцем всегда были рядом с сыновьями, мужьями и братьями — фронтовиками.

В послевоенный период в творчестве гусана Ашота вновь преобладает любовная лирика, но есть также песни о Родине, о мире.

Первый сборник текстов песен гусана Ашота был издан в 1946 году Домом народного творчества Армении. В 1955 году Армянское государственное издательство выпустило его второй сборник текстов, а через два года, в 1958 году, в том же издательстве вышел сборник, включающий тексты и мелодии 70-ти песен. В 1974 году в издательстве «Айастан» вышел в свет сборник песен Ашота, включающий более 100 текстов с мелодиями.

Правительство Армении, высоко оценив заслуги гусана Ашота, присвоило ему в 1967 году звание народного артиста республики.

Дух современности, присущий песням гусана Ашота, проявляется не только в современной тематике, но главным образом в оптимистическом содержании и использовании современных выразительных средствах.

Тяготение к величественному — одно из часто наблюдаемых средств отражения нашей современности. Можно сказать, что это излюбленный прием Ашота.

Возникшая еще в конце прошлого века в творчестве Дживани и Шерама тенденция усиления значения музыкального фактора в лице гусана Ашота нашла

своего страстного поборника и продолжателя. В своих песнях гусан Ашот всегда стремится к совершенству музыкального языка, богатству мелодического рисунка, единству словесного и музыкального текста.

Мелодии гусана Ашота равноправны со словесным текстом, а иногда являются главными носителями содержания и общего настроения песен. Очень часто они состоят из нескольких разделов. Нередко эти разные по настроению и характеру изложения разделы противопоставляются и дополняют друг друга. Таким образом в пределах одной песни гусану Ашоту удается своеобразно применить принцип сюитности, который во многом обогащает мелодическую выразительность его песен.

Соответственно господствующему в песнях гусана Ашота оптимистическому настроению в них часто используются танцевальные ритмоинтонации, особенно в рефренах.

В творчестве гусана Ашота, как и в творчестве всех современных гусанов, значительно возрастает роль рефрена как фактора, усиливающего или подчеркивающего жизнерадостное, светлое настроение песен.

Там, где нет рефрена, его функцию выполняют последние две или одна строчки куплета, которые повторяются с новым, обычно танцевального склада, музыкальным материалом.

Гусан Ашот в своих песнях продолжает и творчески развивает созданную в народно-профессиональном песенном творчестве прошлого традицию применения секвенции. Обычно секвенции состоят из трех звеньев, спускающихся по секундам. Но в песнях Ашота секвенции часто подвергаются вариационному развитию и расширению. Если в прошлом секвенции в основном подготавливали конечный каданс, то у Ашота они имеют большее значение. Иногда весь музыкальный материал реф-

рена излагается в виде секвенции. В таких случаях каждое звено секвенции занимает несколько тактов, причем нередко оно в свою очередь состоит из более мелких секвенций.

В тех редких случаях, когда секвенционного изложения нет ни в мелодии куплета, ни в рефрене, оно проявляется в инструментальном наигрыше, предшествующем песне. Во многом стиль этих наигрышей определяют виртуозные выразительные возможности кяманчи.

Вообще, говоря о музыкальном языке песен гусана Ашота, надо помнить, что он обратился к песенному творчеству уже будучи хорошо подготовленным кяманчистом. Это обстоятельство, несомненно, в большой степени предопределило характерные черты его творческого почерка, богатство и гибкость мелодического языка, смелость ладового мышления, уверенное использование мелизматики, сложность и законченность формы. В отличие от часто используемого ашугами аккомпанирующего струнного щипкового инструмента — саза, кяманча — струнный смычковый инструмент, певучий и имеющий богатые выразительные возможности. Он, как и скрипка, по своим тембровым и техническим особенностям — самый близкий к человеческому голосу инструмент. В жизни народов Ближнего Востока и Закавказья кяманча выполняет ту же роль, что и скрипка в жизни народов Запада.

Гусан Ашот, как и великий Саят-Нова, одну из своих песен посвятил своему любимому инструменту.

Как было сказано выше, большинство песен гусана Ашота составляют любовно-лирические песни. При всем их тематическом разнообразии эти песни можно сгруппировать по трем основным поджанровым разделам: первую группу составляют песни, посвященные восхвалению любимой, вторую — песни, посвященные зову

любимой, и третью — грустные любовно-лирические песни.

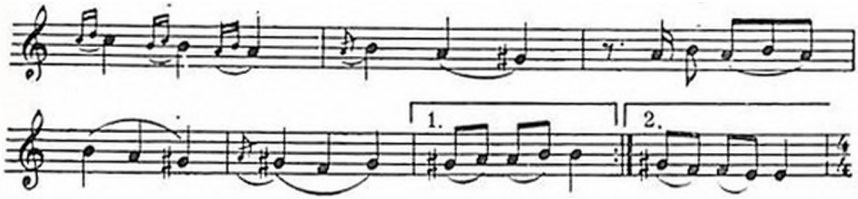
Общая тенденция современного гусанского творчества — стремление к преодолению традиционной безысходности любовно-лирических песен — ярко проявляется в творчестве гусана Ашота и выражается в новом численном соотношении песен этих жанровых подразделений.

В самом богатом поджанре — в песнях, посвященных восхвалению любимой, гусан Ашот создал жизнерадостные образы современных, наполненных радостными чувствами молодых людей.

В тех случаях, когда воспевается красота любимой девушки, господствуют навеянные искренними светлыми чувствами мелодии, обычно песенного или танцевального склада.

Другое решение в песнях, где, вместо воспевания красоты возлюбленной, передаются переживания плененного любовью гусана. Музыкальный склад таких песен обычно более сложный, в них преобладает импровизационный принцип изложения мелодии. В большинстве случаев такие мелодии состоят из нескольких звеньев, контрастных по настроению и различных по своему интонационному, метроритмическому и структурному составу. Ярким примером этого может служить широко популярная песня «Скажи, почему ты молчишь?». Гусан, обращаясь к возлюбленной, спрашивает о причинах ее грусти.

ԱՍԱ, ԻՆՉՈՒ ԴՈՒ ԼՌՈՒՄ ԵՍ



Ad libitum

Դու ան-նը-ման իմ կյան - քի լույս,

Più mosso

իմ հոգ - յակ, ձը - մեռ հա - լող

a tempo

պար-նա - նա - յին ա - ըև ես, կա - ըստ առնող

դով զե-փյուռ ես դու խոս - նյակ,

կյան-քիս այ - զում դու կե - նա - բար

անձ - ըև ես, անձ - ըև ես:

Allegretto

Ա - սա ին - չու՞ դու լուռ ես, սի - բուն ջան,

զա - ըի - ըի պես տր - խուր ես,

սի - բուն ջան, իմ սրը - տին սի - ըո հուր ես,

սի - բուն ջան, մոտ ա - ըի: մոտ ա - ըի:

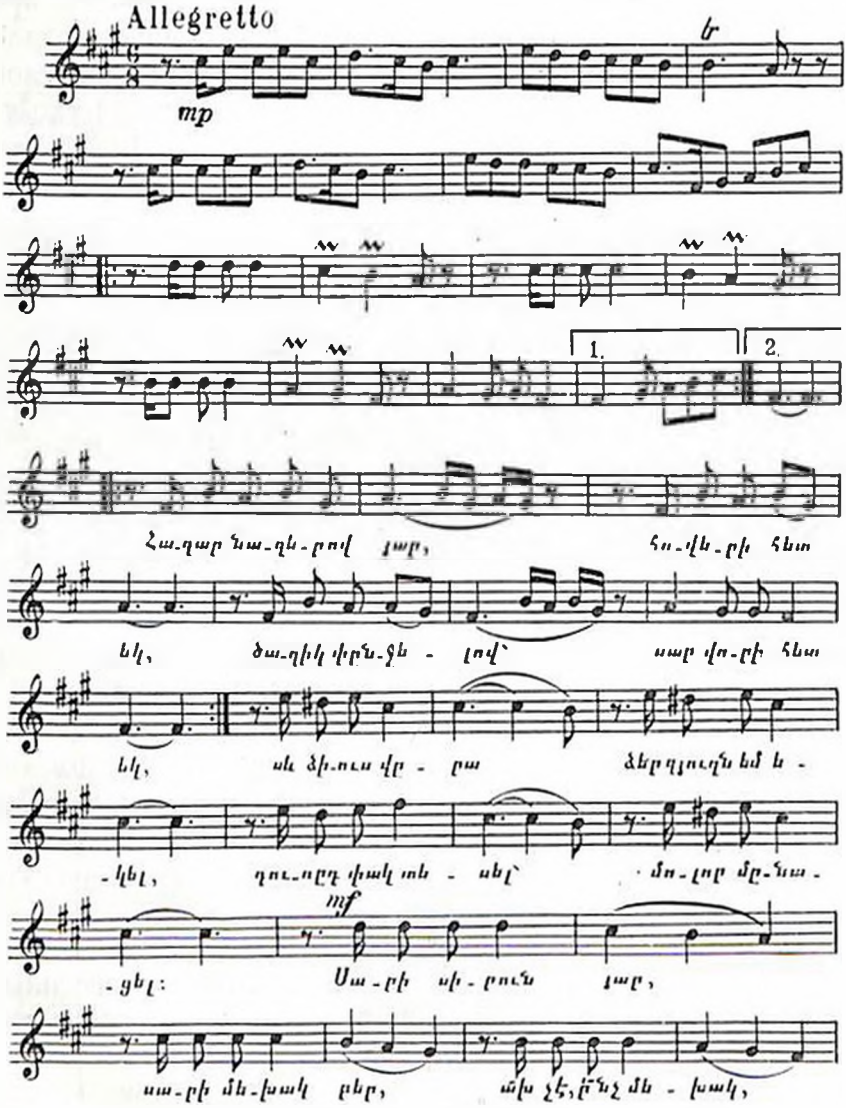
В песне гусан Ашот, мастерски применяя разные выразительные средства и прежде всего разные приемы изложения мелодического материала, своеобразно продолжает и развивает принцип импровизационного изложения. Этот принцип, который в прошлом был обусловлен специфической импровизационностью творческо-исполнительского процесса, в творчестве гусана Ашота становится средством выражения взволнованного душевного состояния.

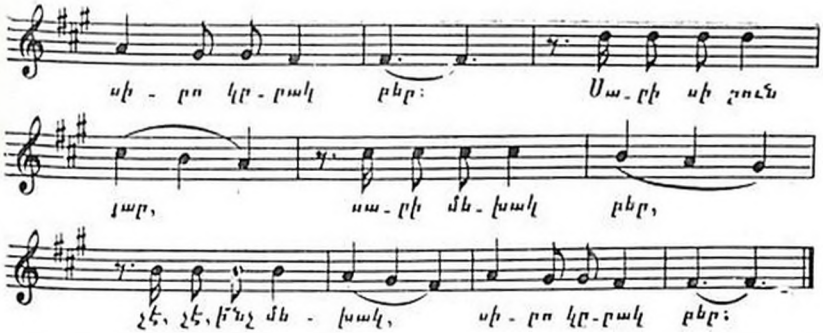
Создавая песни, посвященные «зову любимой», Ашот удачно сочетает унаследованные традиции и новаторские решения. Словесный текст таких песен отличается традиционно эмоциональной насыщенностью, однако в нем нет безнадежности, столь характерной для ашугских песен прошлого. Гусан Ашот, призывая возлюбленную, выражает уверенность, что она придет. Более того, если в прошлом ашуги горестно признавались в том, что муки безответной любви сделали их ашугами-странниками, то гусан Ашот не только не горюет, а наоборот — радостно признается, что именно любовь подняла его до вершин гусанского искусства, что именно она является источником его творческого вдохновения.

Естественно, создавая такие песни, Ашот должен был искать новые стилистические источники. В них он приближается к армянской народной крестьянской песне, иногда даже использует ее отдельные мелодические обороты.

Примером этого может служить песня гусана Ашота «Горная красавица, милая моя», сочетающая песенные и танцевальные ритмоинтонации. Любопытно, что в мелодии этой песни танцевальность и песенность чередуются не так, как обычно принято в творчестве гусана Ашота. В ней сначала преобладает танцевальное изложение, рефрен же имеет песенный характер.

ՄԱՅՐԻ ՍԻՐՈՒՆ





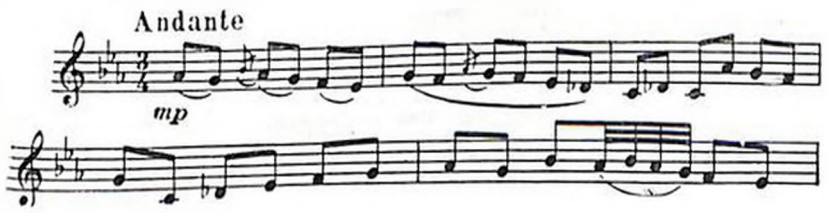
Это обусловлено тем, что в словесном тексте куплета преобладает восхваление любимой, для которого обычно характерна танцевальность мелодии, а в рефрене содержится «зов любимой», для которого более типична песенность.

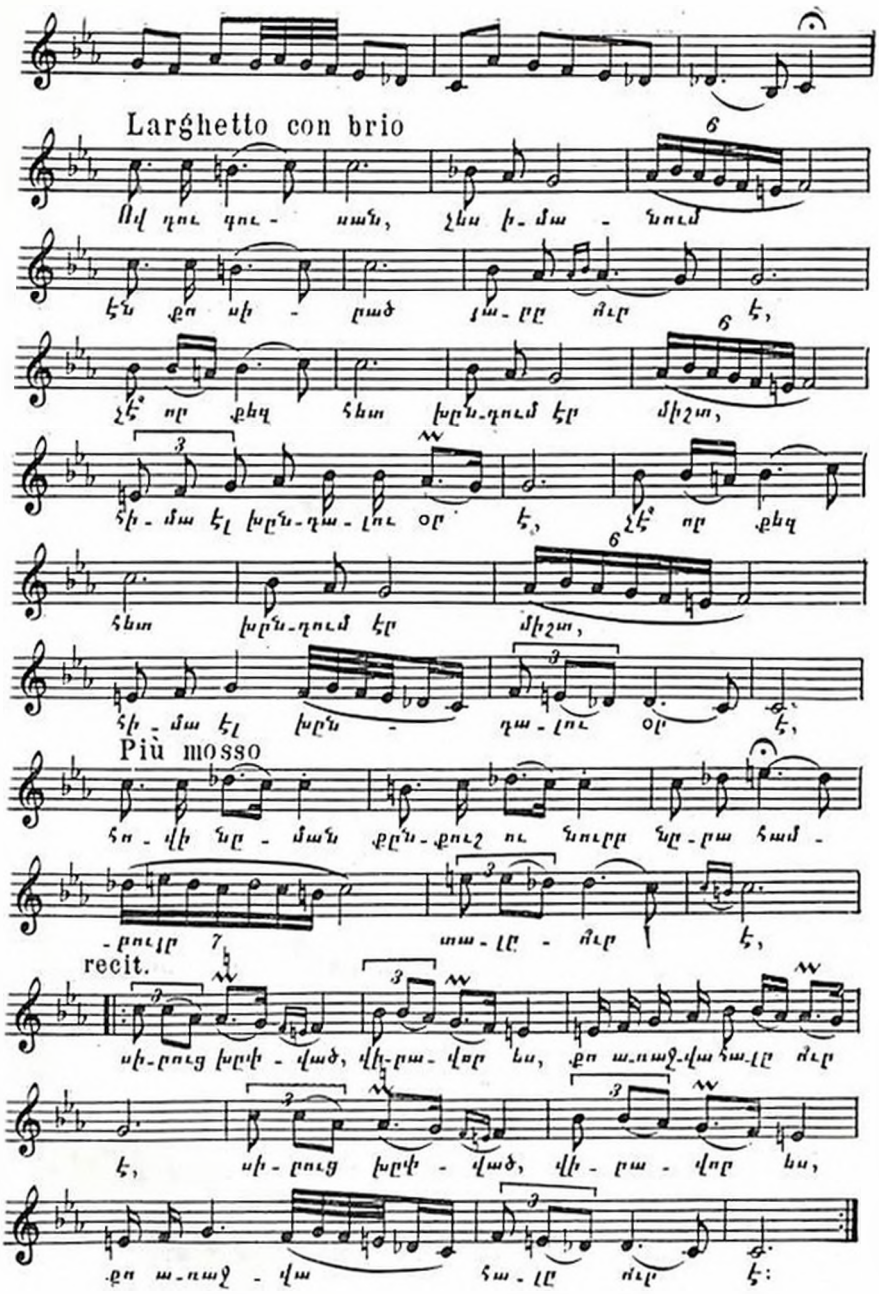
Грустные любовно-лирические песни в творчестве гусана Ашота составляют самое малочисленное жанровое подразделение. Наличие этих песен не нарушает общую жизнерадостную направленность его любовно-лирических песен.

Одна из самых распространенных песен такого типа — песня «Где она?». Гусан не знает, где находится его возлюбленная. Воспоминание о счастливых днях лишь усиливает грустное настроение.

Автор умышленно не раскрывает причины разлуки, предоставляя каждому слушателю возможность по-своему объснять горе гусана, вкладывать в обобщенный образ тоскующего влюбленного личные переживания.

ՈՒՐ Ե՞Ս




Larghetto con brio
Ով դու դու - սան, Չես ի - մա - նում
էն քո սի - լած յա - լը ձեր է,
Չէ՞ որ քեզ հետ խըն-դում էր միշտ,
հի - մա էլ խըն-դա - լու օր է, Չէ՞ որ քեզ
հետ խըն-դում էր միշտ,
հի - մա էլ խըն - դա - լու օր է,
Più mosso
հո - վի նը - ման քըն-քուշ ու նուրբ նը - րա համ -
- բույր տա - լը - ձեր է,
recit.
սի-լուց խըմ - ված, վի-ըա - վոր ես, քո ա-ռաջ-վա հա-լը ձեր
է, սի - լուց խըմ - ված, վի - ըա - վոր ես,
քո ա-ռաջ - վա հա - լը ձեր է:

Своеобразно здесь выполняющее роль середины песни мелодическое звено третьей строки. Оно в более подвижном темпе, как бы в зеркальном проведении, имитирует мелодический рисунок начального мотива песни. Здесь мелодическая линия, поднимаясь вверх, достигает кульминационной точки, которая особо подчеркивается опеваниями увеличенной секунды.

Благодаря повторению и вариационному развитию мелодических звеньев форма песни получается стройной, завершенной.

Эта песня гусана Ашота — еще один пример, указывающий на увеличение значения музыкального фактора в творчестве современных гусанов. Как мы видим, словесный текст не сковывал гусана, мелодия у него не просто дополняет слова, а служит для создания музыкальных образов, которые по своей содержательности даже превосходят словесный текст.

В жанровом подразделении грустных любовно-лирических песен гусан Ашот преодолевает ламентационность, преобладающую в прошлом. Любопытно, что при создании песен этого жанрового подразделения он не использует какие-то особые приемы, а просто с большей напряженностью применяет обычные выразительные средства.

Большое место в творчестве Ашота занимают песни с патриотической и гражданской тематикой, воспевающие красоту родного края и всей Армении, героический труд армянского народа, мир и дружбу между народами, светлое будущее человечества. Причем в таких песнях четко ощущается тяготение к лиризму. Это обстоятельство не столько индивидуальность творчества Ашота, а скорее общая тенденция, которая проявляется во всем современном гусанском и песенном творчестве.

Один из ярких образцов таких произведений гусана Ашота — песня «Ереван». Она отличается сдержанно-

стью, величавостью. Это гимн в честь красоты города. По стилю песня похожа на песни, посвященные восхвалению любимой. Столица Советской Армении представлена в ней как мать всего армянского народа.

ԵՐԵՎԱՆ

Allegretto

mf

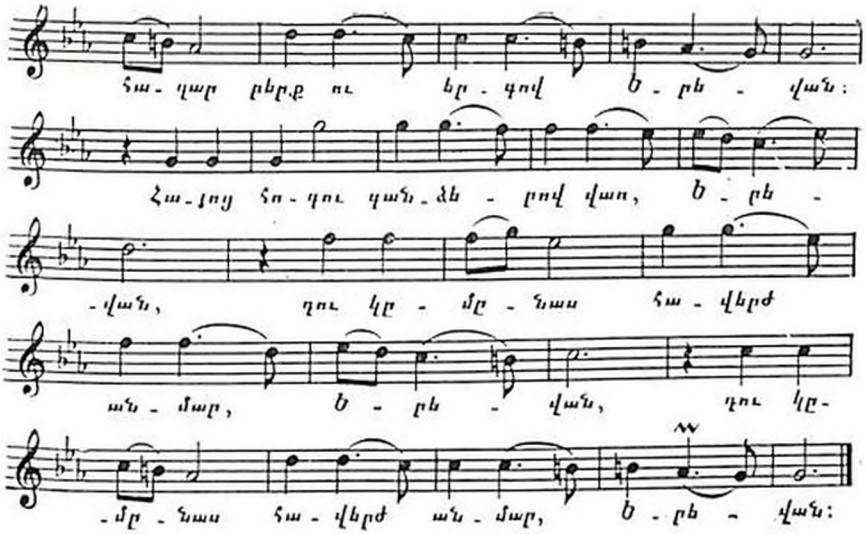
Գեղ դա - քան-դակ շեն-քե - ըն են բար ձրա - ցել,

քա-ղիդ ան-գամ շունչ են տը-վել, Ե - րև -

-վան, հա-յոց հո - դի ջա - հել սիրան ես

դու դար - ձել, լեց - վել հա - դար բերք ու

եր - կով, Ե - րև - վան, լեց - վել



Наиболее популярные из патриотических песен гусана Ашота — песни «Сюникские горы», «Ненаглядный Севан». «Армения», «Армянские долины».

Другую группу представляют песни, в которых преобладают гражданские мотивы: «Девушка-герой», «Застольная песня», — воспевающие труд, «Памятник», посвященная памяти героев, павших за свободу Родины, «Песня о мире» и др.

В сочиненных гусаном Ашотом поучительных песнях много раздумий о жизни, о дружбе, о труде и т. д. Они передают характерное для нашей современности жизнеутверждающее восприятие автора. Внешне эти песни выдержаны в традиционных формах. Более сложное стихосложение и отсутствие припева придает им заметную строгость. Соответственно в мелодиях таких песен отсутствует песенность или танцевальность. Автор ограничивается речитативно-декламационными средствами.

Одна из самых удачных в этом жанре — песня Ашота «Гусаном быть только тому».

ԳՈՒՍԱՆՆ ԷՆ Է

Ad libitum

mf

Գու-սանն էն է սառ ըլ-բի պես

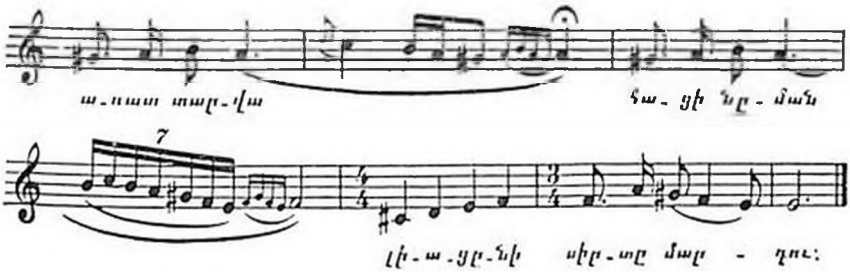
հո-վա-ցը-նի սիր-տը մար - դու,

գարնան քըն-քուշ ծա-ղիկ-նե - րի

բույ-բով լըց-նի սիր-տը մար - դու,

եր - գով, կյան - քով ծա-սա լի - նի

իր հայ - ե - նի հո-ղին, ըլ - բին,



В пяти строфах словесного текста убедительно и образно, яркими красками поэтических сравнений и высказываниями, почерпнутыми из народной мудрости, гусан Ашот излагает свое творческое кредо: главное для него — служение народу. Песня рассматривается как неотъемлемое явление жизни народа, она должна быть всегда и всюду с людьми — утешать их в горе, умножать их радость.

Мелодия этой песни сочетает в себе черты речитативности и песенности. Она строгая, но довольно подвижная. Сдержанная страстность и целеустремленность изложения мелодии придают песне эпический характер. В ней как бы собраны, суммированы излюбленные автором интонационные обороты и попевки. Тут и равномерная, убедительная восходящая линия, и лад с увеличенной секундой, который придает своеобразное напряжение и окраску мелодическим линиям, и даже пассажи, напоминающие специфическое звучание кяманчи.

Богато и разнообразно творчество гусана Ашота, его песни звучат повсюду. Он является одним из ведущих творцов современной музыкальной культуры армянского народа и находится в апогее своих творческих сил.

ГУСАН ШАЭН

Гусан Шаэн — один из выдающихся современных гусанов. В его творчестве ярче прослеживается тенденция к более тесной связи с традициями армянской народной песни — не только музыкальными, но и устно-поэтическими, свойственная современному гусанскому песенному творчеству. Благодаря этому творчество гусана Шаэна выделяется особой поэтичностью.

Армянский народ высоко ценит не только художественные достоинства песен гусана Шаэна, но и его незаурядное певческое дарование. Гусан Шаэн сначала был просто хорошим певцом, потом стал сам сочинять песни. Но то обстоятельство, что Шаэн был певцом, благотворно повлияло на его творческую манеру. Мелодии песен гусана Шаэна удивительно легко поются, выразительны, в них нет вокально-технических ухищрений.

●

Гусан Шаэн — выходец из Мушской области Западной Армении. Это край высокогорных лугов, плодородных долин; жители там говорили на своеобразном диалекте армянского языка. Они бережно хранили с

древнейших времен богатые традиции народного творчества, предания и народные песни. Одно обстоятельство особенно красноречиво говорит о песенном богатстве этой области.

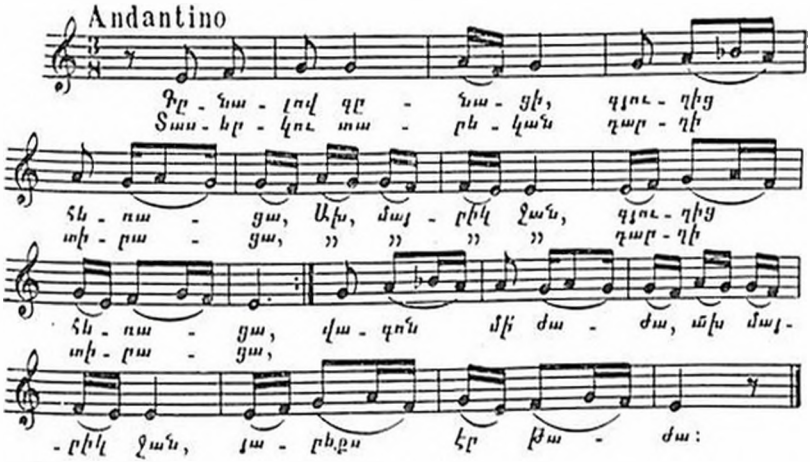
Соответственно очень давно сложившемуся обычаю, армянские ашуги в течение своей жизни хотя бы один раз должны были побывать в расположенном здесь Мушском монастыре, и только после этого они могли считать себя зрелыми мастерами. Многие армянские ашуги, в том числе и великий Саят-Нова, в своих песнях с гордостью упоминают, и не раз, о том, что уже побывали в Муше. Вела их сюда, конечно, не слепая вера в чудотворную силу этого места. Общеизвестно, что армянские ашуги постоянно противопоставляли свое сугубо светское творчество христианской религии и на протяжении веков постоянно подвергались гонениям церковных властей. Но они не переставали появляться в гуще народа даже на церковных праздниках.

Благодаря своим богатым песенным традициям Мушская область стала местом своеобразной проверки и аттестации мастерства ашугов. Там ашуги выступали перед собравшимися с разных концов страны слушателями и своими собратьями-ашугами, устраивали состязания. Да и сама дорога в Муш давала им возможность лучше познать свою родину, свой народ.

Среда, в которой родился и вырос Шаэн, была благоприятной для формирования будущего гусана. Однако детство Шаэна совпало с очень тяжелым для всего армянского народа временем. Турецкое правительство стало приводить в действие чудовищный план физического уничтожения армянского народа. Тем малочисленным беженцам, которым чудом удалось спастись от массовой резни, угрожала нищета и голодная смерть. В жизни этих людей, которые потеряли все материальное, народные песни приобретали особенно большое

значение. Как единственное, не подлежащее грабежу богатство в своем бегстве, как священные мощи, беженцы несли с собой народные песни, они облегчали им скорбь по убитым родным, помогали преодолевать тоску по родному краю и родному дому, воплощали мечты и надежды на будущее. В эти годы развитие армянского народнопесенного творчества достигло необычайных масштабов. Фольклористы записали множество песен, в которых отражается горе беженцев. В качестве примера можно привести записанную С. Мелекяном «Песню сироты»[1].

ՈՐՍԻ ԵՐԳԸ



Шаэн Саргсян родился в 1909 году в селе Хнусаберд Мушской области Западной Армении в семье бедного крестьянина. Семья Саргсянов пешком пересекла сотни километров и добралась до охраняемых русской армией

[1] Спиридон Меликян. Армянские народные песни и пляски. Ереван, 1952, с. 83.

границ Восточной Армении, где нашла убежище в селе Красар (ныне Гукасянский район Армянской ССР).

В последние годы войны турецкая армия потерпела ряд поражений. Беженцы из Муша вернулись в разоренные родные дома, но вскоре им пришлось вторично оставить родные места.

Необычайно суровые годы детства будущего гусана несомненно определили формирование его поэтической, склонной к мечтательности натуры. Находясь каждый день на краю гибели, каждый раз каким-то чудом спасаясь, он еще ребенком стал приучаться преодолевать все трудности, верить в восторжествование правды и справедливости.

Трудно словами описать ту безграничную радость, с которой стоящий на грани гибели армянский народ приветствовал установление Советской власти. После векового угнетения он снова приобрел государственность, получил право на созидательный труд и развитие своей вековой самобытной культуры.

В начале 20-х годов осиротевший Шаэн уже работал батраком, а когда началась коллективизация сельского хозяйства, стал одним из организаторов колхоза села Красар.

Еще ребенком Шаэн славился своим пением. В молодости его певческие данные стали проявляться с особой яркостью. У него возникло стремление не только петь старые песни, но и создавать новые. Он даже неясно осознавал желание творить, ему просто хотелось петь, петь обо всем; о старой жизни было много песен, их он хорошо знал, а вот о новой жизни, о родном колхозе песен не было, и ему приходилось сочинять их.

В конце 20-х годов Шаэн уже был автором нескольких песен.

Работая на колхозных полях, Шаэн пел во время кратковременных перерывов в работе, и в скором вре-

мени эти импровизированные концерты завоевали популярность, о них стали с завистью говорить в других бригадах колхоза и в соседних селах.

В 1932 году Шаэн организовал маленький колхозный самодеятельный ансамбль, слава о котором разнеслась по всему району. Но гусаном себя Шаэн не считал. В одной из своих статей классик армянской музыки Комитас писал: «Дар песнетворчества дан от природы, все крестьяне, плохо или хорошо, умеют слагать песни»[1]. Шаэн смотрел на свое сочинительство как на обычное дело, и только счастливая случайность помогла ему окончательно сделать выбор и полностью посвятить себя гусанскому творчеству.

Это было в 1937 году, когда Шаэн как передовой колхозник был послан в Ереван на бухгалтерские курсы. По вечерам в общежитии курсанты-колхозники наслаждались пением Шаэна. В один из таких вечеров проходящий по улице хормейстер Татул Алтунян, которому тогда было поручено организовать ансамбль армянской народной песни и пляски, услышал голос молодого колхозника. На второй день Шаэн Саргсян уже был солистом создаваемого ансамбля.

Несомненно, работа в ансамбле имела большое значение как для усовершенствования исполнительского искусства Шаэна, так и для окончательного формирования его творческого направления. Работая в этом профессиональном коллективе, Шаэн учился у Гарегина Ханякяна играть на каноне. «Тысячеструнная лира», как он в своих песнях образно называет канон, — довольно сложный инструмент. Преодолевая трудности игры на этом инструменте, Шаэн восполнил свой ощу-

---

[1] Комитас. Статьи и исследования. Ереван, 1941, с. 17 (на арм. яз.).

тимый с точки зрения гусанского профессионализма пробел: гусан должен уметь играть на каком-либо инструменте. Надо отметить, что Шаэн очень удачно и, конечно, не случайно, выбрал себе канон как аккомпанирующий инструмент. По конструкции и звучанию напоминающий арфу, этот инструмент очень хорошо подходит к песням Шаэна. Благодаря работе в ансамбле исполнительское мастерство и творчество гусана вскоре завоевали популярность во всей республике. К тому времени им уже были созданы достаточное количество песен, в том числе «Река Ахуряи» и «Больно мне от любви твоей» (1932), «Блестит алмаз» (1935), «Сасунский безумец» и «Твоим черным кудрям» (1936), «Айастан» (1937). Эти песни, в которых ярко проявилась самобытность автора, и поныне входят в число самых удачных и часто исполняемых песен гусана Шаэна.

В 1939 году в дни Декады армянского искусства в Москве, когда демонстрировались достижения разных отраслей армянской культуры, прозвучали и песни Шаэна. Его выступления на концертах удостоились высокой оценки публики и правительства: гусан был награжден орденом Знак Почета.

Во время войны Шаэн был в рядах Советской Армии. Его исполнительская деятельность прекратилась, но он продолжал сочинять и создал ряд песен, из которых наиболее известные — «Мой Красар», «Наша храбрая дивизия», «Снилась мне любимая».

В мае 1946 года, когда торжественно отмечалась первая годовщина Победы, на праздничные концерты в Москву был направлен и гусан Шаэн. Его пригласили солистом в один ансамбль, в составе которого Шаэн гастролировал по городам и селам Сибири и Алтайского края. Во время этих поездок гусан создал одну из самых популярных песен — песню «Сибирская красавица».

Закончив гастроли, гусан Шаэн возвратился в Ереван и создал маленький ансамбль народных инструментов. В качестве руководителя и солиста этого ансамбля народных и гусанских песен он и поныне выступает на эстрадах колхозных или заводских домов культуры, в концертных залах городов Советской Армении и братских республик.

В 1967 году гусан Шаэн был награжден высоким званием народного артиста Армянской ССР. Его песни постоянно передаются по радио и телевидению. Можно с уверенностью сказать, что его лучшие произведения по своим художественным достоинствам достигли уровня ашуго-гусанских классических песен.

●

Песни гусана Шаэна разнообразны по содержанию, тематике и средствам выражения.

Одной из характерных черт его музыкальной манеры является скупое применение секвенции, которая в песнях других гусанов — как прошлого, так и современных — широко используется в припевах.

Музыкальная изобретательность гусана Шаэна проявляется и в инструментальных маленьких интродукциях к его песням. Обычно это своеобразные вводные части подготавливают общее настроение и зачатки мелодической линии. Иногда в этих наигрышах четко проявляется специфика канона — инструмента гусана Шаэна.

Чередование грустных и светлых настроений, теплая лиричность и изящная танцевальность мелодии придают особое обаяние песням гусана Шаэна. Завоевавшие популярность во всех слоях армянского народа, его песни часто украшают репертуары гусанских, народных и даже эстрадных ансамблей.

В творчестве гусана Шаэна преобладают песни двух основных жанров гусанского творчества: любовно-лирические и патриотические. Шуточные, сатирические, поучительные, дидактические и другие мотивы, характерные для гусанского творчества, гусан Шаэн рассматривает как второстепенные; им он не посвящает отдельных песен, но они часто звучат в разных его произведениях.

Жанр любовно-лирических песен богато и своеобразно представлен в творчестве Шаэна.

Излюбленное средство гусана Шаэна — сказочность, которая подчеркивает особую поэтичность, характерную для любовно-лирических песен гусана. Создавая образы своих любовно-лирических песен, он очень часто не довольствуется типичными средствами армянского ашугогусанского творчества. Вместо ярких картин природы, которые обычно служат психологическим фоном, гусан Шаэн охотно прибегает к выразительным средствам, заимствованным из волшебно-сказочного мира армянских народных легенд и преданий. Свою возлюбленную он не называет феей, но ищет ее то на дне моря, как это делал бы Садко, то среди звезд. В одной песне он повествует о том, как, купаясь в речке, хотел поймать рыбку, но она превратилась в фею и убежала. Все подобные волшебно-сказочные явления описываются настолько образно и поэтично, что благодаря силе художественного воздействия воспринимаются как стилизованные, но убедительные рассказы. Тем более, что сказочные действия, образы и картины, как правило, в конце песен получают реальное осмысление.

В ряде любовно-лирических песен гусана Шаэна сказочность уступает свое место повествовательности. Благодаря конкретности и логической последовательности мысли и событий, описываемых в песнях, усиливается их сюжетность, и они превращаются в яркие и

реальные сценки, взятые из нашей современной жизни.

Обладая богатой фантазией, гусан Шаэн довольно часто, но каждый раз по-новому, прибегает в своих любовно-лирических песнях к пересказу сна. Как правило, в конце песен выясняется, что все рассказанное было лишь сном — и грустные настроения рассеиваются, просветляются.

В мелодическом изложении любовно-лирических песен гусана Шаэна преобладают песенность и танцевальность, широко применяется принцип вариационного развития или изменения музыкальных предложений, используются также разные виды ладовой переменности.

Одна из самых ярких по своей кантиленности песен гусана Шаэна — «Откуда ты пришла, незнакомая любовь» — пользуется большой популярностью в народе.

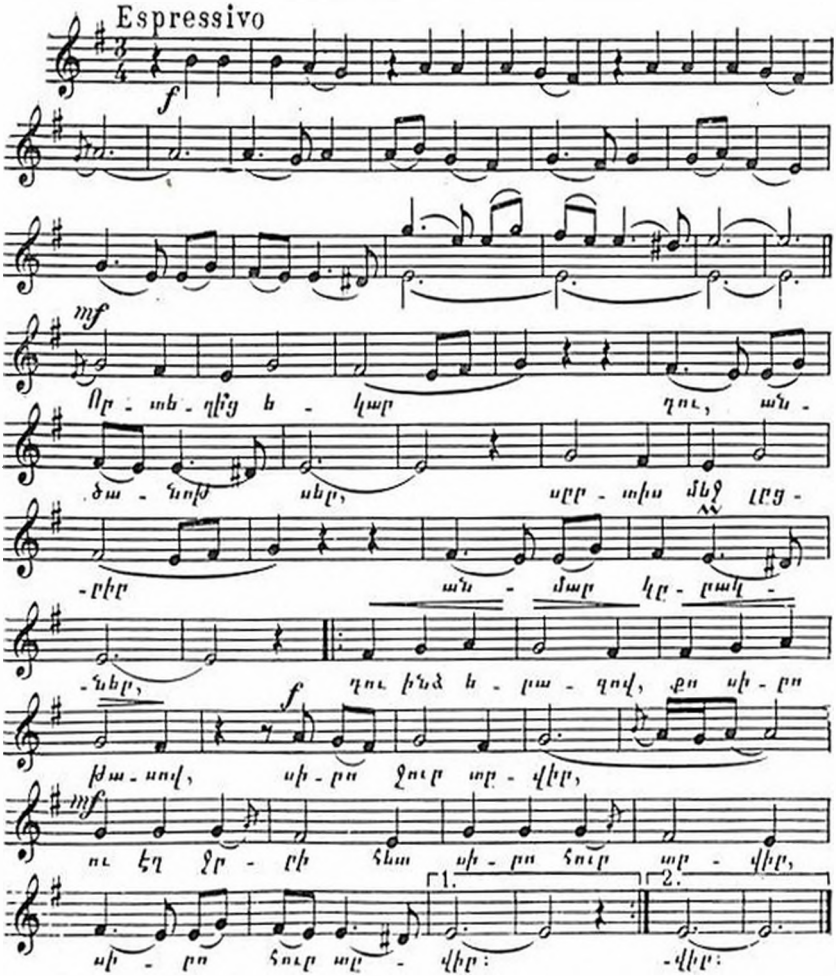
В первой строфе сообщается, что любовь пришла сама, без мучительных исканий[1]. Во второй строфе песни гусан признается, что именно любовь толкнула его на путь гусанского творчества. Как бы в противоположность традиционному мотиву соловья, вечно ищущего — и не находящего — розу, гусан сообщает, что он нашел свою любимую розу. Наконец, в третьей строфе гусан утверждает мысль о вечности истинной любви.

Шаэн, применяя очень спокойные и скромные выразительные средства, достигает большой лирической теплоты.

---

[1] Армянские старинные предания шутливо рекомендуют способ, позволяющий увидеть жениха. Накануне праздника святого Саргиса (его прообразом был армянский античный мифический герой Вааги, убивающий многоголовых драконов) молодые девушки едят на ночь соленые пироги. Во сне, когда их мучает жажда, тот, кто даст им напиться, будет женихом.

ՄԵՆԱՆՈԹ ՍԻՐ



Мелодия песни своей необычайной, плавной и спокойной кантиленностью соответствует общему содержанию песни и отражает то истинное душевное спокойствие, о котором рассказывает вся песня. Этой созерцательности соответствует и спокойный ритмический рисунок, и ясность лада, и формы мелодии песни.

Другое, вероятно, самое популярное произведение гусана Шаэна — любовно-лирическая песня «Обижена». Эта первая гусанская песня, которая «перекочевала» в армянскую эстрадную музыку, потянув за собой и другие гусанские песни. Надо сказать, что обработанная и исполненная в манере эстрадно-джазовой музыки, она не потеряла своего обаяния и лиричности и пользуется такой же большой популярностью, как и в кругу любителей гусанских песен.

ԽՈՒՌԱՆՈՒ ԷՐ

Moderato con anima

mp

mp

Այս-օր ես իմ յա-րին տե - սա, թուխ մա-զե - րը

tr

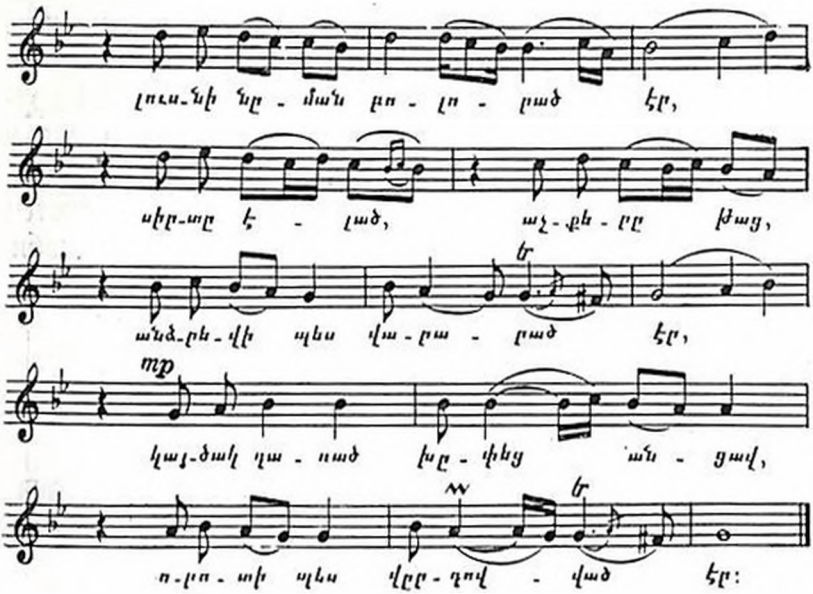
օ - լո - բած էր, բա-րեվ տը - վի,

tr

բա - րեվ չա - ռավ, տեսնես ին - չու մո - լո - բած

f

էր, շար-մաղ դեմ - քը կար - միր խըն - ձոր,



В содержании этой песни нет той созерцательности и беспечности, которая характерна для предыдущего примера. Как следует из названия, любимая обижена, причины обиды не ясны, и все это придает песне определенную напряженность. Однако в ней нет той грусти, которую можно было бы ожидать при подобной ситуации. Тут все решено в соответствии с общим оптимистическим настроением, доминирующим в современном гусанском творчестве.

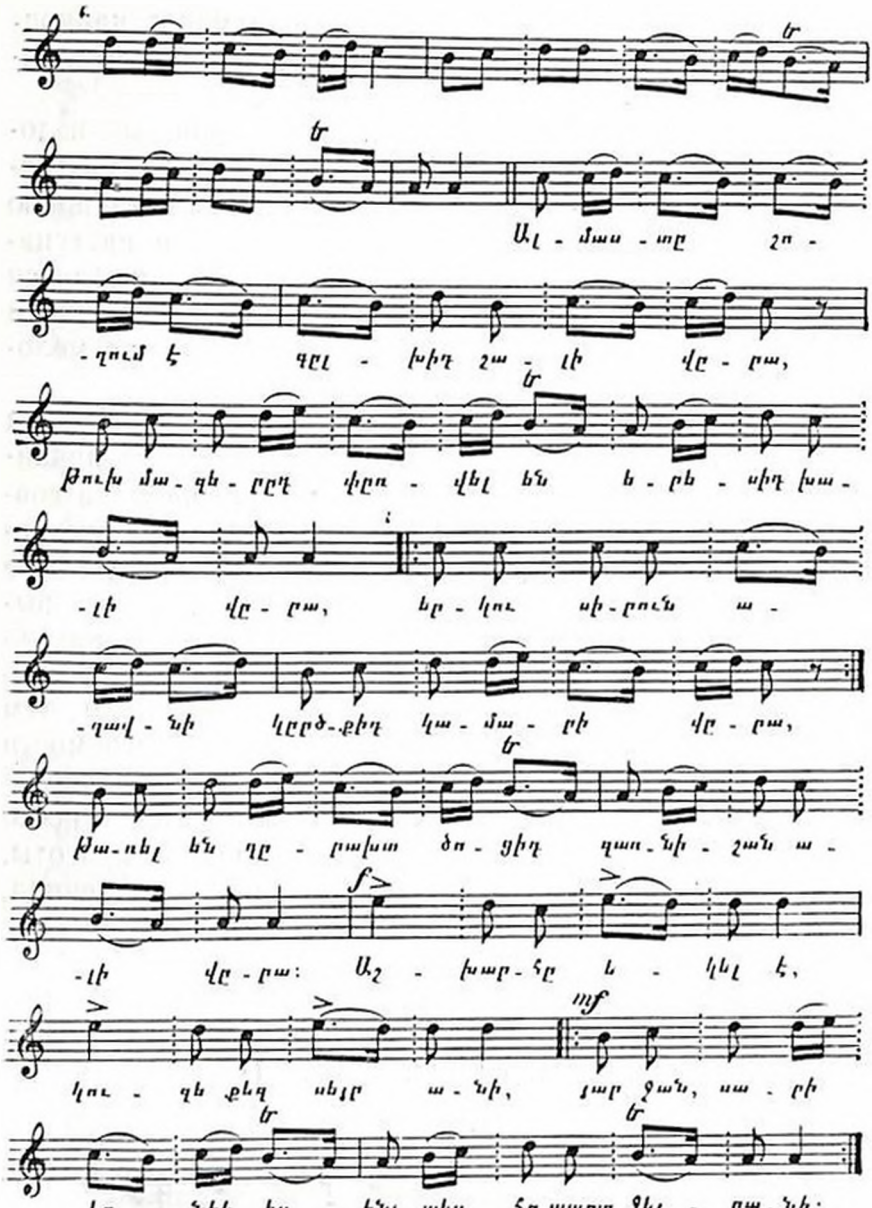
Только в конце песни выясняется, что возлюбленная обижена потому, что не удовлетворена творчеством гусана. В этой самокритичности, конечно, есть доля шутки и в то же время проявляется скромность автора. Любопытно, что и в этой песне гусан Шаэн ухитрился найти повод для создания своих излюбленных волшебно-сказочных картин.

Мелодия песни запевная, хотя ее ритмоинтонационные обороты напоминают армянские круговые медленные танцы.

Спокойный ритм, плавность и волнообразное изложение мелодического рисунка, замкнутость и повторность мелодических звеньев придают мелодии изящную пластичность и нежность. Кульминация песни наступает в третьей строке куплета, когда мелодия проводится на терцию выше, в мажоре. Новая ладовая окраска, а также расширение диапазона заметно развивают мелодию.

В совершенно ином плане песня гусана Шаэна «Блестит алмаз». Эта песня является одним из ярчайших примеров сочетания традиций и новаторства в современном гусанском творчестве. Она посвящена восхвалению любимой, автор, употребляет преувеличенные эпитеты и красочные сравнения. Однако эти старые выразительные средства трактуются по-новому — динамично, подвижно. Хотя лик любимой сравнивается с восходом солнца (подобных сравнений в песне немало), тем не менее, в ней нет той традиционной недосягаемости любимой и грусти, которые были характерными чертами подобных песен прошлого. Любимая ждет своего избранника, более того, кроме описания ее красоты, имеются указания на то, что она большая труженица, герой колхозных полей.

ԱԼՄԱՍԱՏ ՇՈՂՈՒՄ Է


Ալ - մաս - տը շո -
- ղում է գել - խիդ շա - լի վը - բա,
թուխ մա - զե - ըդ փըռ - վել են ե - ըե - սիդ խա -
- լի վը - բա, եր - կու սի - ըուն ա -
- գավ - նի կըրծ - քիդ կա - մա - ըի վը - բա,
թա - ռել են դը - ըսխատ ծո - ցիդ գառ - նի - շան ա -
- լի վը - բա: Աշ - խար - հը և - կել է,
կու - զե քեզ սեյը ա - նի, յար ջան, սա - ըի
եղ - նիկ ես, ինչ - պես հր - պարտ ջեյ - ըա - նի:

В эту, казалось бы, созданную традиционными средствами песню гусана Шаэна вложено новое содержание, столь характерное для наших дней, воплощенное посредством задорной мелодии, насыщенной танцевальностью. Х. С. Кушнарев без преувеличения назвал эту мелодию бравурной[1]. Выдержанная до конца песни особая пульсация смешанного ритма, четкость строения и повторности ритмо-интонационных оборотов мелодии придают песне необычайно игривый характер.

Эта песня гусана Шаэна издана трижды. В 1958 году в работе Х. С. Кушнарева приводится мелодия и остинатный схематический аккомпанемент, созданный автором. В 1964 году в третьем сборнике песня «Блестит алмаз» была издана в обработке хормейстера, народного артиста СССР Татула Алтуняна для четырехголосного смешанного хора. В том же году вышел в свет составленный композитором Э. Мирзояном сборник песен гусана Шаэна. Как указывается в предисловии составителя, в сборник включены песни, окончательно отредактированные автором. Этот последний вариант и приводится в настоящей работе.

Наряду с любовно-лирическими песнями в творчестве гусана Шаэна большое место занимает жанр патриотических песен.

Причем патриотическая тема часто решается в лирико-эпическом плане, насыщенный драматизм содержания передается посредством повествовательных форм изложения. При создании таких песен гусан Шаэн широко пользуется выразительными средствами, применяемыми им в любовно-лирических песнях, в том числе излюбленными приемами сказочности, волшебно-фантастическими образами и картинами. В качестве примера

---

[1] См.: Кушнарев Х. С. Вопросы теории и истории армянской монодической музыки. Л., Госмузиздат, 1958, с. 307.

можно привести песню «Мир», где маленький белокрылый голубь мира наделен чудесной силой.

Наш голубь мира вылетел из сердца Кремля,
С его белых крыльев пошли обильные дожди,
Где бы не упала каждая капля — родником мира стала,
Каждый родник — тысячи рек, которые наполнили весь мир[1].

В жанре патриотических песен гусана Шаэна можно выделить три тематические группы. Первую из них составляют патриотические песни, в которых воспевание счастливой жизни Советской Армении переплетается с грустными воспоминаниями о недавнем социальном и национальном тяжелом угнетении армянского народа.

Часто мелодии таких эмоциональных по содержанию патриотических песен гусана Шаэна внешне сдержанны. В их ритмоинтонации извилистые, ломаные линии и неспокойные по характеру изложения мелодические отрывки чередуются с напевными и спокойными, нередко речитативность сочетается с кантиленностью и даже с танцевальностью. В этих песнях гусан Шаэн придерживается стиля, средств и форм, выработанных в творчестве средневековых гусанов и тагоневцев — исполнителей особого типа песен тоскующего по родине и возлюбленной изгнанника.

Вторую группу патриотических песен гусана Шаэна составляют те песни, в которых на первый план выдвигается воспевание новой цветущей родины. Эти песни отличаются особо светлым настроением. Обычно мелодия их начинается в повествовательно-речитативном складе и, постепенно развиваясь, обретает черты песенности и танцевальности. В таких случаях импровизационность изложения уступает место четкой периодичности с доминантно-тоническим соотношением кадансов.

«Гукасян» — одна из самых популярных патриоти-

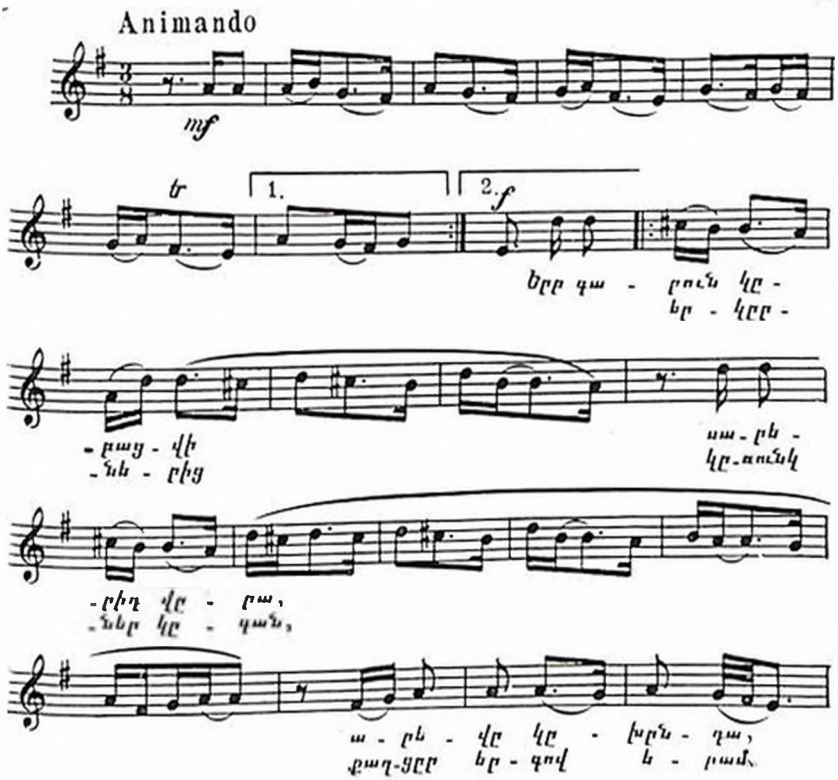
---

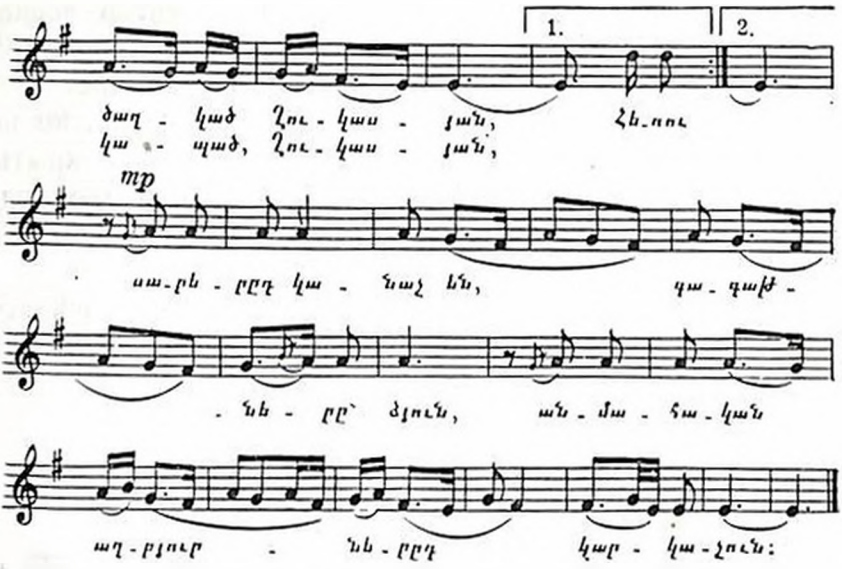
[1] Оригинал на армянском языке. См.: Шаэн. Ереван, 1964, с. 85.

ческих песен гусана Шаэна. В этой песне автор воспевает красоту природы Гукасянского района Армянской ССР. Этот северный район республики привлекает своим неповторимым горным ландшафтом. Высокие, но не очень крутые горы с весны до середины лета покрыты яркими альпийскими лугами. Повсюду множество родников кристалльно-прозрачной воды, журчанье которых ласкает слух человека.

В окружении такой красочной природы человек все воспринимает особенно поэтично, возвышенно.

ՂՈՒԿԱՍՅԱՆ





Воспевая красоту Гукасяна, Шаэн вспоминает и край, в котором он родился. Мелодия этой песни удивительно выразительна. В четких интонациях, какие можно встретить лишь в народном творчестве, автор смог сконцентрировать и повествовательность старинных народно-профессиональных песен, и речитативность, и кантиленность, во внутренней подвижности которой можно уловить зачатки танцевальности.

Обращает на себя внимание пятитактовая фраза, которой заканчивается первая часть мелодии. Построенное на одном дыхании, это похожее на маленькую каденцию изложение во многом напоминает стиль и эмоциональную насыщенность средневековых песен бездомного скитальца. Однако в этой песне гусана Шаэна эмоциональная насыщенность не превращается в грусть, а воспринимается в прямом смысле, как выражение искренних чувств любви к своему краю. Тем более, что в дальнейшем жизнерадостное настроение побеждает.

Песни гусана Шаэна, воспевающие историческое прошлое и светлое настоящее армянского народа, составляют третью группу жанра патриотических песен. Они обычно отличаются спокойным плавным характером, без ритмических и интонационных контрастов. Это придает им величавую торжественность. Таким примером служит песня «Айастан».

Песни гусана Шаэна являются значительным вкладом не только в современное творчество, они обогатили традиции всего армянского народно-профессионального песенного искусства.

Источники нотных примеров

1. «Амаяк джан». Армянские народные песни. Составитель В. Самвелян. Армгосиздат. Ереван, 1961, с. 12.
2. «Ле, ле, мила». Шерам. Сборник песен. Армгосиздат. Ереван, 1959, с. 97.
3. «Шорора». Там же, с. 88.
4. «Приди, красавица». Комитас. Этнографический сборник. Армянские народные песни и пляски. Том. II. Армгиз. Ереван, 1950, с. 32.
5. «Ты муза моя». Шерам. Армгосиздат. Ереван, 1959, с. 21.
6. «В саду раскрылись розы». Там же, с. 56.
7. «Великому современнику (Карлу Марксу)». Там же, с. 13.
8. «Скажи, почему ты молчишь». Ашот. Любовь гусана. Армгосиздат. Ереван, 1958. с. 81.
9. «Горная красавица, милая моя». Там же, с. 141.
10. «Где она». Там же, с. 120.
11. «Ереван». Там же, с. 19.
12. «Гусаном быть только тому». Там же, с. 7.
13. «Песня сироты». Спиридон Меликян. Армянские народные песни и пляски. Том II. «Айпетрат». Ереван, 1952, с. 83.
14. «Откуда ты пришла, незнакомая любовь». Шаэн. Гусан Армении. «Айастан». Ереван, 1964, с. 74.
15. «Обижена». Там же, с. 23.
16. «Блестит алмаз». Там же, с. 16.
17. «Гукасян». Там же, с. 9.

МАНУК ТОРОСОВИЧ МАНУКЯН *ГУСАНЫ АРМЕНИИ*

Редактор Н. Сладкова Художник Н. Константинова Худож. редактор Г. Христиани Техн. редактор А. Мамонова Корректоры Г. Кириченко и Э. Юровская. Сдано в набор 17/V—76 г. Подп. к печ. 8/X—76 г. А-02428 Форм. бум. 70×108¹/₃₂ Печ. л. 2,5 (Условные 3,5) Уч.-изд. л. 3,34 Тираж 2520 экз. Изд. № 3676 Зак. 454 Цена 24 к. Бумага № 1 Всесоюзное издательство «Советский композитор», 103006. Москва, К-6, Садовая-Триумфальная ул., 14—12. Московская типография № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

М $\frac{90110-002}{082(02)-77}$ 439—76

© Издательство «Советский композитор», 1977 г.

24 к.